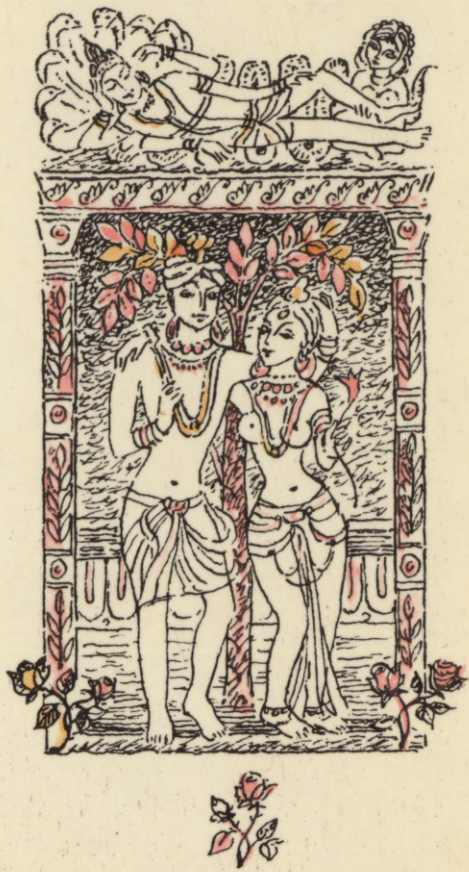

И (Инд.)
Ф. 17

КХ

Абул Файз Файзи
НАЛЬ и ДАМАН

Абул Файз Файзи

НАЛЬ и ДАМАН

ПОЭМА

Перевод с персидского
ГЕРМАНА ПЛИСЕЦКОГО

МОСКВА

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1982

И (Инд)
Ф17

Подстрочный перевод,
предисловие и примечания

Г. Алиева

Оформление художников
А. Озеревской и А. Яковлева

Ф $\frac{470300000-176}{028(01)-82}$ 171-82

© Художественное оформление, составление, предисловие, примечания, перевод. Издательство «Художественная литература», 1982 г.

ФАЙЗИ И ЕГО ПОЭМА «НАЛЬ И ДАМАН»

Шейх Абул Файз Файзи — один из крупнейших представителей персоязычной литературы Индии и автор предлагаемой русскому читателю поэмы «Наль и Даман» — был современником великого Шекспира, заключившего свою бессмертную трагедию словами: «Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте». Эти стихотворные строки гениального английского поэта могли бы завершить столь же печальное повествование и о другой любящей паре — но уже на сей раз с Востока: радже Нале и его возлюбленной Даман.

Сказание о радже Нале было широко известно из знаменитого древнеиндийского эпоса «Махабхарата», однако только поэтический гений Файзи придал ему социальную широту и развил заложенные в нем идеи добра и зла, любви и ненависти, мира и войны, сообщив им философскую масштабность и глубину. В свою очередь, творение Файзи сыграло решающую роль в популяризации сюжета о Нале в литературах на новоиндийских языках и вдохновило следующих за Файзи литераторов на создание поэм на эту полюбившуюся читателям тему.

Поэма Файзи «Наль и Даман» — эта жемчужина персоязычной литературы Индии — была создана во второй половине XVI века. Время это характеризуется значительными переменами в социально-политической жизни Северной Индии, входившей в обширную территорию империи Великих Моголов, основанной в 1524 году выходцем из Ферганы — знаменитым полководцем и поэтом Захир ад-Дином Бабуром. В 1556 году к власти пришел его внук Акбар; он окружил себя

плеядой энергичных и талантливых государственных деятелей, одаренных поэтов и ученых, что не замедлило сказаться на интеллектуальной и культурной жизни страны. Ведя долгие и изнурительные войны, Акбар добился политического объединения империи, но, будучи опытным и дальновидным политиком, он не мог не понимать, что вслед за политическим единством следует создание единства более прочного, могущего произойти только на основе духовного сближения двух противостоящих сторон индийского общества — мусульманской и индуистской.

Серьезнейшим же препятствием на пути задуманного сближения стояли прежде всего вероисповедные разногласия и противоречия, подогревавшиеся фанатично настроенным высшим мусульманским и индуистским духовенством. Преодолеть ожесточенное сопротивление противоборствующего духовенства и достичь заветной цели — и было задачей Акбара-реформатора, с которой он и его приближенные успешно справились. Вот почему Джавахарлал Неру, оценивая в своей книге «Открытие Индии» (М., 1956, с. 272) деятельность Акбара, писал: «...он возродил древнюю мечту о единой Индии, не только политически объединенной в одно государство, но и органически слившейся в один народ».

Сам Акбар был основательно знаком с различными религиозными учениями Индии. Мусульманин-суннит, он великолепно разбирался во всех тонкостях исламской догматики. Но ему были в высшей степени интересны и другие вероучения страны, прежде всего индуизма и сикхизма, их теологическая и социальная сущность. О его веротерпимости и широте теологических интересов говорит то, что в его дворце, помимо богословов мусульманских, можно было видеть зороастрийских жрецов из Гуджарата, сикхских учителей-гуру из Пенджаба, индуистских брахманов, буддий-

ских монахов. Замечательно, что его двор был доступен и португальским отцам иезуитам, миссионерской деятельности которых не чинились препятствия.

Акбар весьма смело проводил некоторые социально-политические реформы, разумеется, в пределах, не нарушающих интересы правящей военно-феодальной верхушки. Так, к примеру, по его указу был отменен подушный налог, взимавшийся с немусульманского населения. Были также освобождены от налога и паломники — отныне индусы могли беспрепятственно появляться в городах, где были расположены индуистские храмы и преобладало мусульманское население. Подобные меры, естественно, не могли не вызвать недовольства фанатичного мусульманского духовенства, однако Акбар и его окружение, вопреки сопротивлению реакционной ортодоксии, продолжали реформаторскую деятельность в религиозной области, которая особенно усилилась к 80-м годам XVI столетия. В эти годы, по инициативе самого Акбара, на государственный и литературный язык — фарси — начинают переводиться памятники религиозной и философской мысли Древней Индии. И не только Индии: по приказу императора, поэт Абул Файз Файзи, с помощью иезуитских миссионеров, приступает к стихотворному переводу на фарси Нового завета.

Общим итогом религиозной реформаторской деятельности Акбара явилось сконструированное им при помощи своих сподвижников и провозглашенное в 1582 году религиозное учение дин-и-илахи — «божественная вера». По замыслу его создателей, это эклектическое учение, основанное на сходных концепциях ислама, индуизма и ряда других религиозных учений, должно было духовно сблизить представителей всех религиозных общин. Однако, будучи плодом кабинетных усилий, «божественная вера», еще не родившись, была уже обречена на неудачу. Первыми и последни-

ми адептами ее стали ближайшие сподвижники императора, и в их числе — знаменитый ученый-философ шейх Мубарак Нагори и двое его сыновей: младший, Абул Фазл Аллами, — впоследствии главный министр Акбара, и старший, Абул Файз Файзи, — будущий выдающийся поэт Индии.

Что же касается реформаторской деятельности, наблюдавшейся в Северной Индии в последней четверти XVI века, то она не замкнулась лишь в религиозной области, а дала недурные всходы и в прочих областях духовной жизни страны. Важнейшим результатом этих усилий явилось начавшееся задолго до этого взаимодействие мусульманской и индусской культур, приведшее к появлению новых черт во многих сферах материальной и духовной культуры народа. Так, в архитектуре, ювелирном и садово-парковом искусстве появляется новый стиль, синтезировавший характерные черты стилей индийского, иранского и среднеазиатского. Сходные тенденции наблюдаются и в живописи, в особенности — в области миниатюры: индийская школа миниатюрной живописи обретает черты подлинно оригинальные. Обнаруживает себя процесс взаимопроникновения культур и в области поэзии — стал утверждаться новый стиль, индийский, выделившийся в особое идейно-художественное направление на языках урду и фарси.

В это же время усиливается интерес к древнеиндийской культуре и литературе. Памятники санскритской литературы начинают привлекать внимание ученых мужей, великолепных знатоков санскрита — историка Бадаюни, лингвиста Накиб-хана, философа Мулла Шери. И среди этих замечательных имен переводчиков и комментаторов памятников древнеиндийской культуры, которым мы обязаны высоким уровнем перевода санскритских памятников и точной передачей сути сложнейших вопросов индийской философии

и этики, достойное место занимают имена обоих братьев — Аллами и Файзи.

Уже к концу XVI века переводческая работа с санскрита на язык фарси достигает не виданного дотоле размаха. Читатели знакомятся с такими замечательными памятниками древнеиндийской письменности, как «Махабхарата», «Панчатантра», «Рамаяна». Знаменательно также и то, что одновременно шел и обратный процесс: на санскрит переводились выдающиеся произведения арабской и персидско-таджикской литературы.

В целях лучшей организации переводческого дела император Акбар учреждает специальную комиссию, которой руководят братья Аллами и Файзи, сами блестящие переводчики и редакторы переводов. К тому времени младший брат прославил свое перо изящным переводом «Панчатантры», который он озаглавил «Критерий знания». Старший же — поэт Файзи — мог по праву гордиться поэтическим переводом «Лилавати» — труда по арифметике известного индийского ученого X века Бхаскары Ачарии. Ко времени создания этого перевода (1586 г.) шейх Абул Файз Файзи был уже самым крупным литератором эпохи, сумевшим в длительном и напряженном конкурсе завоевать придворный титул «царя поэтов».

Будущий автор поэмы «Наль и Даман» родился в 1547 году в г. Агре, в семье крупного ученого. Его отец, шейх Мубарак Нагори (1505—1593) был образованнейшим ученым-богословом. Будучи одним из «Десяти избранных приближенных» двора императора Акбара, он сыграл важную роль в реформаторских начинаниях последнего как в религиозной, так и в культурной областях жизни.

Шейх Мубарак дал своим сыновьям разностороннее образование, далеко выходящее за рамки обычной мусульманской учености. Но главное, что он стремился

дать им и что ему удалось,— это привить сыновьям широту мышления и терпимость к другим вероисповеданиям. И сыновья, восприняв науку отца, на всю жизнь остались благодарны ему за то, что он, как сказал в одной из своих блестящих од Файзи, «привив им знанья, призвал их стать учеными, как сам он». Файзи не зря называл себя ученым: он обладал поистине энциклопедическими знаниями, что позволило ему создать множество научных трудов по философии, филологии, медицине, математике и стилистике, общий список которых насчитывает сто одно название.

Двадцати лет молодой Файзи был представлен императору и принят ко двору. С тех пор и до конца своей жизни он занимает разные должности при императорском дворе, преимущественно на поприще внешней политики. 11 февраля 1589 года, после продолжавшегося шестнадцать лет конкурса на звание «царя поэтов», Файзи назначается на эту почетную должность, унаследовав ее после скончавшегося еще в 1573 году старейшего «царя поэтов» Газали.

Литературные вкусы поэта формировались, разумеется, в атмосфере придворного поэтического искусства. Тем не менее творчеству Файзи менее всего присуща дворцовая камерность и галантная куртуазность. Дело в том, что поэзия двора Акбара сильно отличалась от поэзии, процветавшей при дворах его отца Хумаюна и деда Бабура. При дворе Акбара литература была многоязычной: художественные произведения здесь писались на фарси и хинди (хиндави), арабском и облегченном санскрите. Сам император пытался писать стихи на смешанном фарси-хинди, и этот стиль в дальнейшем получил наименование рехта и даже составил целое направление в XVIII веке в литературе на языке урду.

Основными идеями поэзии, создававшейся при императорском дворе, были реформаторские идеи эпохи;

основным же — и наиболее ярким — выразителем этих идей был поэт Абул Файз Файзи. Человек широких и прогрессивных взглядов, Файзи активно способствует развитию науки, литературы и искусств. Он оказывает моральную и материальную помощь одаренным ученым, поэтам и каллиграфам, поддерживает поэта Ур-фи — одного из создателей индийского поэтического стиля, всячески способствует пропаганде исконно индийской культуры среди мусульманского населения, проводит идеи их духовного сближения. И, разумеется, сам творит в излюбленной области — поэтической.

Поэтическое наследие Файзи составляет немалое количество поэм, а также лирических произведений «малых» жанров. В литературных кругах того времени широкое распространение получила жанровая форма «хамсе» — собрание из пяти поэм, построенных по определенному еще в XII веке великим азербайджанским поэтом Низами идейно-художественному принципу. Подобно многим другим индийским поэтам того времени, Файзи задумывает создать собственную «пятерицу».

По сохранившемуся, но не доведенному до конца плану Файзи созданная им поэма «Наль и Даман» в его пятеричном цикле занимала третье место. Иными словами, по своему идейно-художественному замыслу «Наль и Даман» должна была соответствовать поэмам «Лейли и Меджнун», занимающим также третье место в «пятерице» основоположника этой традиции Низами и соотечественника Файзи — великого персоязычного поэта Индии Амира Хосрова Дехлеви.

«Пятерица» Файзи так и осталась незавершенной. Однако поэму «Наль и Даман» поэт написал сразу же после создания первой части «пятерицы» — поэмы философского содержания «Средоточие времен». Сохранившиеся фрагменты из поэм свидетельствуют о том, что Файзи, видимо, одновременно работал над всеми частями «пятерицы». Императора же Акбара

интересовала лишь поэма, в сюжетной основе которой лежала индийская тема. И, узнав о желании своего венценосного читателя, Файзи откладывает работу над остальными произведениями и всецело отдает себя поэме «Наль и Даман».

Поэту удалось завершить лишь две части из задуманных пяти: смерть, последовавшая 5 октября 1596 года после изнурительной астмы, помешала осуществить этот план. Файзи оставил потомкам большое литературное наследие, сыгравшее немаловажную роль в развитии лирической поэзии на языках фарси и урду. Поэтическое искусство Файзи принесло ему славу далеко за пределами его родины и нашло немало поклонников и почитателей и в Средней Азии, и в Иране, и в Турции. Учась у Файзи поэтическому мастерству, поэты прежде всего обращали свой взор на поэму «Наль и Даман» — этот венец поэтического творчества индийского поэта.

В выборе сюжета немаловажную роль сыграло для Файзи то обстоятельство, что незадолго до этого им был отредактирован персидский перевод «Махабхараты», которая содержит и трогательную историю раджи Наля и его возлюбленной Дамаянти. Включенная древнеиндийской эпической традицией в третью книгу — «Лесную» — «Махабхараты», эта легенда о Нале и Дамаянти в течение долгих столетий не раз давала пищу художественному воображению средневековых индийских авторов.

Перед Файзи стояли нелегкие творческие задачи. Во-первых, предание о Нале и Дамаянти было не только популярно в Индии, но и в известной степени даже канонизировано многовековой традицией древнеиндийского эпоса. Во-вторых, в «Махабхарате» доминируют мотивы этико-философские, в то время как тема любви служит в ней общечеловеческим фоном для раскрытия этих мотивов. И наконец, задача Файзи

усложнялась еще и тем, что в поэтической обработке этого предания ему диктовала свои жесткие условия многовековая традиция персоязычной литературы и прежде всего — традиции таких прославленных корифеев, как Низами, Амир Хосров, Абд ар-Рахман Джами.

И поэт четко ставит перед собою определенную цель — воспеть чистые, возвышенные человеческие чувства, способные принести людям счастье и тем самым оградить от совершения зла и вдохновить на свершение добра. Вот почему, разрабатывая древнеиндийский сюжет в форме классической персидской поэмы, Файзи выдвигает на первый план тему беззаветной любви Даман (Дамаянти) и освобождает повествование от традиционной символики, согласно которой все на земле изначально предопределено неизменной волей рока и богов. Здесь речь не идет о каких-то существенных «вторжениях» со стороны персоязычного автора в сюжетную канву древнеиндийского повествования, хотя, разумеется, поэтическая обработка Файзи не свободна и от таковых. Говоря о существенном повороте идейно-тематического ракурса повествования и изменении идейно-художественной акцентировки предания о Нале, мы имеем прежде всего в виду трактовку образов главных героев и их поступков.

В известном смысле Файзи даже вполне добросовестно воспроизводит фабулу древнейшей легенды. Его поэтическое повествование, как и соответствующий раздел «Махабхараты», начинается с детального описания доблестей царя Наля. Но тут же, памятуя о том, что он создает поэму о любви для своих современников, поэт намеренно отказывается от многих деталей, свойственных мифологии, и прежде всего от элементов безудержной фантастики, отбрасывает или же сокращает все второстепенные эпизоды, встречающиеся в древнеиндийском эпосе.

Как известно, воля богов и злых сил играет для судеб героев эпоса роль определяющую. Файзи же, буквально в двух бейтах упомянув о роли ангелов в сцене выбора красавицей Даман жениха, в дальнейшем предает их полному забвению. К тому же, стремясь создать картину более реалистическую, наш поэт показывает самостоятельность решений изображаемых им героев, которых он наделяет не только человеческими достоинствами, но и пороками.

По мысли поэта, источником человеческих бедствий являются пороки не врожденные, а приобретенные. Его герой — раджа Наль — становится избранником прекраснейшей женщины Индии, он безмерно счастлив и горд. Но вот после долгих лет безмятежной и счастливой жизни Наль возвращается к своему пороку — азартной игре в кости. Играя с братом, он проигрывает все, вплоть до царства, и вот он уже вынужден вместе с преданной супругой Даман скитаться по бесплодной и выжженной пустыне.

Во время скитаний на супругов обрушивается множество испытаний и лишений. Однако, как указывает автор, страданиям пришел бы конец, не нарушь Наль долга верности. Итак, в поэме Файзи, как и в эпосе, речь идет о предательстве Наля своей супруги Даман, которую он бросает спящей в пустыне.

В лирических отступлениях Файзи не раз возвращается к своей излюбленной идее о решающем значении чистой любви в нравственном возвышении человека и говорит о том, что нарушение ее законов непременно приводит его к нравственному падению.

Однако, согласно общему замыслу поэмы, Файзи не запирает двери нравственного очищения перед согрешившим и падшим человеком: нравственное самоочищение, говорит поэт, возможно при наличии терпения, раскаяния и, конечно же, активной деятельности. Эта идея, слегка подчеркнутая в эпосе, проступает

в поэме «Наля и Даман» более рельефно. Файзи с большой убедительностью описывает переживания главного героя, который, проявив должное упорство, вновь обретает свою верную Даман и возвращает проигранное царство. Подобным решительным действиям Наля предшествует в поэме и его нравственное самоочищение.

Образ Наля в поэме Файзи получился ярким и динамичным. Связав с ним развитие основных действий повествования, Файзи в то же время невольно отодвинул на второй план образ Даман. В «Махабхарате» же движущим началом всего повествования является именно образ Дамаянти. Подобное распределение ролей находилось в полнейшем согласии с древнеиндийской философской традицией, признававшей активным женское начало.

В поэме же Файзи все сцены и эпизоды, которые могли бы сообщить образу Даман рельефность и яркость, либо сильно сокращены, либо же вовсе опущены. Файзи как бы стремится уберечь свою героиню от любых случайностей, могущих причинить ей страдания. В отличие от эпоса, в поэме оставленную супругом на волю судьбы Даман быстро отыскивают и возвращают в отцовский дворец брахманы, посланные на поиски ее отцом. И хотя к концу повествования Даман и пробуждает в своем растерянном супруге чувство долга перед святостью семейного очага — и в более широком смысле и перед страной,— все же ее образ в поэме заметно снижен. В подобной трактовке наверняка сказалось влияние феодального мировоззрения, отводившего женщине на средневековом Востоке пассивную роль в социальной жизни. И здесь обращает на себя внимание интересное переосмысление имени героини: вместо Дамаянти в эпосе — укрощающая, укротительница, в поэме Файзи появляется Даман — укрощенная.

К особенностям избранного поэтом жанра относится и стремление индийского поэта к глубокому отображению душевных переживаний своих героев, что привело к известной психологизации образов и мотивировке их действий. Подобный прием идет, разумеется, от бессмертных поэм Низами, прежде всего от «Хосрова и Ширин» и «Лейли и Меджнуна», послуживших образцом для индийского автора. Так, Файзи, следуя творческой манере Низами, для более глубокого раскрытия внутреннего мира героев приводит письма влюбленных друг другу. Его Наль в некоторых сценах сродни обезумевшему от любви Меджнуну, а Даман своей кротостью живо напоминает Лейли. Недаром Файзи для своей поэмы избрал тот же поэтический метр, которым была написана поэма Низами «Лейли и Меджнун».

Поэма Файзи «Наль и Даман» — это гимн высоким человеческим чувствам, гимн любви, верности, справедливости и дружбе, без которых любое человеческое сообщество обречено на самоуничтожение.

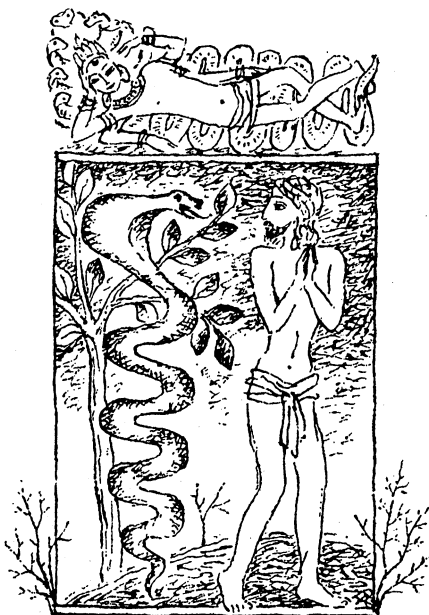
«Наль и Даман» принадлежит к числу наиболее совершенных творений Файзи. Оно сыграло важную роль в истории литератур Индии. Благодаря поэтическому таланту Файзи старая легенда о радже Нале и красавице Дамаянти получила новую жизнь. В различных литературах Индии насчитывается более десятка поэм на эту же тему, авторы которых либо переводили творение Файзи на тот или иной местный язык, либо создавали оригинальные произведения, опираясь на повествование Файзи.

На русский язык поэма «Наль и Даман» переводится впервые, хотя русский читатель знаком с сюжетом этой легенды по великолепному переложению В. А. Жуковского.

Газанфар Алиев

НАЛЪ и ДАМАН

НАЧАЛО ПОЭМЫ

Желающий воспеть любовь — с любовью
Сегодня приступает к предисловию.

Берет перо и, свыше вдохновенный,
Так говорит о тайне сокровенной:

В индийском царстве, древнем и великом,
Жил славный падишах, прекрасный ликом.

Войск не считал он, как деревьев в лесе,
Престол его касался поднебесья.

Молва о нем летела птицей вдаль.
Счастливого владыку звали Наль.

Любимец неба мудрецом родился,
Разумен был и к знаниям стремился.

Печать счастливой избранности роком
Сияла на челе его высоком.

Пред ним склонялись головы и троны.
Он царства даровал, а брал — короны.

Раджи, что под его рукою были,
Челом перед его порогом били.

Он в ярости был страшен, словно лев.
Дружа с вином, менял на милость гнев.

Лилась дождем весенним шаха милость.
Немилость — ураганом проносилась.

Ученость перед ним чело склоняла.
Сама судьба его коня седлала.

Открыты были все его чертоги,
И радости толпились на пороге.

Когда он суд вершил в столичном граде,
Злодеи умоляли о пощаде.

Шутя решал загадки рока он.
На столб удачи опирался трон.

Его венец касался небосклона,
С луны была им сорвана корона.

Войска пред шахом целовали землю,
Дрожали звезды, барабанам внемля.

О лошадях он ведал все на свете,
И совершенны были знанья эти.

Он околдован был, привязан к гривам
Созданий этих, что подобны дивам.

Из всех коней, которых шах любил,
Скакун арабский Рахш любимцем был.

Когда пред Налем лошадь красовалась,
Душа его, как роза, раскрывалась.

Он вмиг решал — с каких скакун конюшен,
И нрав коня — строптив или послушен.

Знал наизусть все признаки болезней
И знал, какое из лекарств полезней.

Он в коневодстве разбирался тонко:
Предвидел масть любого жеребенка!

Знал прыть коня, едва взглянувши вслед,
И сколько скакуну лихому лет.

Когда ж хотелось поразмяться Налю —
Гульгуна быстроногого седлали.

Могучий конь перебирал ногами,
В крутой его груди пылало пламя,

Дыханье опаляло небо, очи
Сияли, словно звезды среди ночи.

Так плавно выступал Гульгун сначала —
Как будто тара музыка звучала.

Лишь вился ветерок вокруг копыт
Да дивный хвост был по ветру развит.

Когда ж внезапно он в карьер срывался —
Далеко сзади ветер оставался.

А мощь его подков крушила скалы
И из гранита искры высекала!

Шах гордо восседал — то на престоле,
То на своем коне в широком поле.

А во дворце, пока он мерил дали,
Его любовь и нега ожидали.

Был строен шах и крепок, как самшит,
А пояс был рубинами расшит.

Наль силой чувств и красотой сложенья
Стократ превосходил воображенья.

Дни юности благословенной Наля
Цветение весны напоминали.

Он весь из серебра был пробы чистой.
Небесной тайной взор пленял лучистый.

То был исполнен взгляд любовным хмелем,
То страсть в нем просыпалась диким зверем.

Стан, как копьё, был гибок и упруг,
А брови были выгнуты, как лук.

Так был он мил и полон обаянья,
Что исходило от него сиянье.

Блистал он, как весна, и все при этом
Вокруг сияло отраженным светом.

Сердца друзей ему принадлежали.
От храбрости его — враги бежали.

Мелодии любви для Наля пелись,
Вкушал он полной чашей жизни прелесть.

Как окружают глаз ресницы — он
Был воинами тесно окружен.

Он храбрецов вооружал мечами,
А сам разил своих врагов очами.

На трон самой судьбою возведенный,
Любви союзник, в красоту влюбленный,

Рожденный под счастливою звездою,
Он жил в союзе вечном с красотой.

Луна к его склонялась колыбели,
С любовью звезды на него глядели.

Так рос он — между звезд и близ луны,
И были очи ввысь устремлены.

И вот настала молодость владыки.
Сияло счастье у судьбы на лице,

Счастливая звезда в зените встала,
И юность с воцарением совпала.

Быстрее, чем глаза его велели,
Веленья Няля достигали цели.

Блажен, кто может, побеждая страсти,
Не опьянеть от юности и власти!

Судьбу самой себе он поручил.
Себя же власти разума вручил.

Две чаши пригубив на пире шумном,
Царь оставался трезвым и разумным.

Возжаждав драгоценного глагола,
Он мудрых собирал вокруг престола.

Те — перлы извлекали из пучины,
Исследуя начала и причины.

Другие — тонко составляли фразы,
Которые сверкали, как алмазы.

И перед троном излучала свет,
Пылая, речь чтецов старинных вед.

О тайнах девяти небес отчеты
Давали падишаху звездочеты.

Затем ученых гурии сменяли
И танцем храм огня воспламеняли.

Индуска пела сладостные песни,
Но сладостнее песен и прелестней

Был взор ее. Сверкали в этом взоре
Любви блаженство и разлуки горе.

Страданье и любовная тоска...
А стан ее был тоньше волоска.

Был весь дворец обителью влюбленных,
Воркующих в местах уединенных.

И если во дворце порой звучали
Мелодии страданья и печали —

То страсти голос, заглушая пенье,
Испепелял стыдливость и терпенье.

Но истинной любви хмельного зелья
Наль не отведал. Знал он лишь веселье...

Мы ж ведаем, чего не ведал он:
Проходит все... Безжалостный закон!

Коварный способ, избранный судьбою,—
Скрываться под личиною любовью.

Все спутает, вращаясь, круг небесный —
И неизвестность станет вдруг известной.

Тому, кто метой мудрости отмечен,
Скажи: пусть веселится — миг не вечен...

ПРЕДЧУВСТВИЕ ЛЮБВИ

Любовь воспевший чародей-сказитель
Изобразил для вас ее обитель,

Взрастил цветок любви и, как умел,
Узор страстей на нем запечатлел.

Среди живущих Наль был вне сравнений,
Был свеж и весел, как бутон весенний.

Лев молодой — жил вольно и широко.
Но жил он под коварным взором рока.

И Наль берегся, во дворце иль в поле,
И сердцу не давал ни разу воли.

Дурным приметам уделял вниманье
И бормотал порою заклинанья.

Боялся, что беду небесный круг
На голову его обрушит вдруг.

Ночь до утра он не проспал ни разу,
Все просыпался, опасаясь сглазу.

С тревогой ждал он, что вражда начнется
С судьбою — и престол его качнется.

А тот, кто ночью бодрствует — скорее
Готов к любой беде и битве с нею.

Он избегать страстей предпочитает,
Последним вздохом каждый вздох считает.

И в песни девяти небесных сфер
Вникает для принятия срочных мер:

Чтоб тучи бед на землю с небосвода
Не хлынули внезапно, словно воды,

Чтобы успеть отпрянуть, удалиться,
Пока они на землю будут литься...

Но занавес времен волшебный взвился —
И образ удивительный явился!

Все затопил вокруг разлив печали,
И мир во мраке потонул для Наля.

А ясно, что для сердца и ума
Безмерное страданье — это тьма.

Душа изныла от предчувствий, очи
Блестели, словно звезды среди ночи.

Но в глубине страдания все чаще
Являлся образ тот животворящий.

Он понял, что глаза ему затмили,
Невесть откуда взявшись, тучи пыли.

Но он не знал: откуда тучи эти?
Где образ тот? На этом ли он свете?

Такой огонь в груди был — что не тронь!
Но Наль не ведал, кто разжег огонь.

Таким котлом душа его кипела,
Что крышка от давления слетела.

В глазах царя в тот миг весь мир окрестный
Зажжен был, словно молнией небесной.

«Откуда,— думал юноша наивный,—
Струится этот свет весенний, дивный?»

Нет больше сердца в моем теле брэнном,
Бреду в цепях, подобно жалким пленным,

И вижу: предо мною даль в пыли —
То войско страсти движется вдали.

Кинжал, пронзая грудь, имеет свойство
Предупреждать, что близко страсти войско...»

В смятенье чувств и в думах сокрушенных,
Наль так сказал, собравши приближенных:

«О вы, чью мудрость видел каждый день я!
От вас я ожидаю исцеленья.

Взгляните в гороскопы, проследите
Звезды моей движенье по орбите.

Мне кажется: покинув небосвод,
Звезда моя закатится вот-вот.

Безумец я. Лечите же больного,
Коль знаете вы колдовское слово.

О рок, зачем, казня всех без разбора,
Ты именно с меня не сводишь взора?

Из многих жертв, в твои попавших сети,
Неужто я слабее всех на свете?

Любовное, должно быть, наважденье
Замешано в состав мой от рожденья».

Вздывал огонь в груди, вздыхая, Наль,
А плачем орошал свою печаль.

Истолкователь древнего преданья
Продолжит так свое повествованье:

Совсем владыка духом сокрушился,
А шахский двор, как улей, всполошился.

Везиром был у Наля муж правдивый,
Друг сердца и советчик справедливый.

Он шапку снял, склонившись перед шахом,
И голову свою посыпал прахом.

Велел немедля лекаря позвать:
Больного осмотреть, недуг назвать.

Предстал перед владыкой врач придворный,
Стал Налю щупать пульс рукой проворной.

«Невежда врач! — на миг прервав стенанья,
Воскликнул Наль.— Не умножай страданья!

Ты ничего решительно не знаешь
Про жар души — а только кровь пускаешь.

Скорей швырни в огонь свою посуду,
Стремится кровь не к твоему сосуду,

Взволнованное сердце — мой сосуд,
Его твои уловки не спасут.

Не нужно сердцу твоего леченья.
Уйди, оставь со мной мои мученья!»

Несчастный лекарь сильно удивился
И в страхе с глаз владыки удалился.

Пошел к везиру, весь дрожа от страха,
И рассказал о состоянье шаха:

«Великий повелитель, чья корона
Касается, блистая, небосклона,

Еще вчера сиявший, как луна,
В кругу друзей за чашею вина —

Сегодня весь во власти страсти темной,
Страдает он, измученный и томный.

Владыки возраст подошел к пределу.
Спеши, если помочь желаешь делу.

Чтобы душа царя была спокойной,
Найди предмет, его любви достойный».

Везир, услышав мнение такое,
Пошел, печальный, в царские покои.

Приблизился и с трепетом в душе
Сказал дрожащим голосом радже:

«О ты, чей облик — зеркало для мира,
О царь, послушай своего везира.

Прослышал я, что ты не спишь ночами,
Пронизанный печальных чувств лучами.

Меж тем подлунный мир лишь тем прекрасен,
Что он тебе, великому, подвластен.

Осядет хоть пылинка на великом —
Луна немедля потемнеет ликом.

А если потемнеет все кругом,
И молния сверкнет, и грянет гром —

Пусть это падишаха не волнует:
Небесный гнев нагрянет и минует.

Того же, кто в тебе души не чает,
В глазу твоём соринка омрачает.

Поверь, что близким ведома кручина,
Снедающая сердце властелина.

И если ты во сне увидел фею —
Мы след отыщем и пойдем за нею.

И вышедший на волю злобный джинн
Обратно будет заключен в кувшин.

Любовь твою хоть на́ небе найду я,
Саму Зухру, коль надо, заколдую.

А если в смертной женщине причина,—
Она — твоя раба. К чему кручина?

Отбросим шелуху со смысла слова —
Увидим, что проста его основа.

Пусть от меня владыка не таится
И тайну мне доверить не боится.

Ответил Налъ: «Разумный мой везир!
Возможно ли иметь во власти мир?

Ты — тигролов искусный, и порою
В крошечной тьме пронзаешь цель стрелою.

Кто, как не ты, поймет, что плохо дело,
Что в сердце у меня стрела засела?

Красавица раскинула тенета...
Но где же ты, охотница, и кто ты?

Любовное томление — не диво.
Гоняться за любовью — некрасиво».

Везир на шаха кинул быстрый взор
И продолжал из слов плести узор:

«Знаток намеков, глаз моих отрада!
Простого дела усложнять не надо.

И эта сеть, раскинутая ловко,
Поверь — всего лишь женская уловка.

Забудь печаль. Счастливым, сядь на троне
И правь, не забывая о законе.

От образа красавицы волшебной
Освободи, о шах, свой взор душевный.

Уж если ты вступил на этот путь —
Сил наберись и терпеливым будь.

Ныряй в водоворот пучины пенной,
Отыскивая жемчуг несравненный.

Пытай судьбу уклончивую нашу
И наполняй вином желаний чашу».

Раджа, усевшись поудобней, с трона
Внимал словам везира благосклонно.

Затем призвал к себе друзей беспечных,
Чтобы о муках позабыть сердечных,

И стал исподтишка своих гостей
Расспрашивать об опыте страстей.

Просил, чтобы на краски не скупилась,
Дабы любви бутоны распустились.

...И рассказали множество преданий
Ему для облегчения страданий.

Поведали ему изящным слогом
Искусные рассказчики о многом.

И царь узнал истории влюбленных,
Случившиеся в странах отдаленных.

Так за рассказом плавно тек рассказ.
Владыка слушал, не смыкая глаз.

Чем можно тут помочь? Как и в начале,
Душа царя была в плену печали.

Где слово всемогущее такое,
Чтоб шах забылся в сладостном покое?

Да, в книге бытия рассказов много,
От них в душе уляжется тревога.

Но лишь тому предание поможет,
Кого тоска любовная не гложет.

Преданья были истине верны
И тонкими намеками полны.

Рассказы обо всем необычайном
Являются ключом ко многим тайнам.

Тот, кто вникает в существо рассказа,
Угадывает скрытое от глаза.

Ту повесть, что дремоту вызывает,
Преданием никто не называет...

И каждый по преданью рассказал,
Но — все не то. Раджа иного ждал.

Он заскучал и головой поникнул...
Тогда мудрейший из друзей воскликнул:

«О ты, над кем судьба свой зонт раскрыла,
Чьей высоте завидуют светила!

Все бьют челом перед тобою. Крыши
Дворцов твоих — чертогов звездных выше.

Щедрее ты, чем небосвод вечерний.
В твоём застолье счастье — виночерпий.

Вступил, о царь, в прекрасный возраст ты:
В счастливый мир любви и красоты.

И ни к чему тебе в подобных дозах
Преданья слушать об увядших розах...

Внемли: в земле Декана, полной разных
Чудес, разбогатевшей на соблазнах,

Живет младая дева — дивный идол.
Безумен, кто хоть раз ее увидел.

Глаза прекрасной, полные томленья,—
Святыня, храм, предмет для поклоненья.

Она стройна, зовут ее Даман.
Числа нет угодившим в сей капкан.

Узрев ее, брахманы в грех впадали,
И оземь своих идолов кидали,

И разрывали на себе зуннары.
Нет в целом мире ей достойной пары...

В ее очах застыли без движенья
Индусских древних храмов отраженья.

Красавицы, что в зеркала смотрелись,
Разбили их, ее увидев прелесть.

Ее уста, как розы лепестки,
Собою украшают цветники.

И нет другой, столь сладко говорящей.
Сладки ее слова — улыбка слаще.

Как на небесном своде месяц ясный,
Сияет ночью лик ее прекрасный.

А моется, блистая красотой,
Она вином и розовой водою.

Сердца мужей пронзает острой болью,
А ранив — посыпает раны солью.

Прекрасней сада вешнего она,
Ее красе завидует весна.

Ее волос благоуханьем пряным
Дыша — любой мужчина станет пьяным.

А действие ее очей лилейных —
Сильнее власти ста домов питейных.

В прическе темнокудрой изначала
Завита в кольца колдовская чара.

Соблазны у нее на службе в войске —
Любую крепость могут взять геройски.

А то — распустит кудри до колен,
И заарканит вмиг, и тащит в плен.

А сколько мудрецов с пути сбивалось,
Когда ее краса очам являлась!

Брахманов стойких, что случались рядом,
Она лишала чувств единым взглядом.

И сколько неприступных цитаделей
Она брала, рукою двинув еле!

При этом — целомудренна, как отрок:
На тень свою же — и на ту не смотрит.

Лишь зеркало с ней в сокровенный час,
И лишь сурьма ее касалась глаз.

В мечтах о ней запутались мужчины.
Она — причина и твоей кручины.

Ее лучи, с высот спускаясь в доли,
Распатывают царские престолы.

Любой готов отдать без сожаленья
За прелести ее свои владенья.

Короны падишаха, несомненно,
Достоин этот жемчуг несравненный».

Так о Даман рассказывал мудрец,
И Наль разволновался наконец.

Вскипела в жилах кровь, как в море волны.
Восстал он с трона, беспокойства полный.

Казалось, что владыка пьян немножко
Иль в ухо заползла сороконожка.

Нашел несчастный средство от болезней
И понял, что́ ему всего полезней,

И отчего так больно сердцу было,
И чья стрела его насквозь пробила.

Узнал, чей взор манил издалека
И к чьим тянулась локонам рука.

Он понял, где сокрыт источник света,
Сияние откуда льется это —

Лучи любви, которые готовы
Сжечь мигом целомудрия покровы...

Вот тот рассказ, который сердцу нужен,
Когда оно болит и дух недужен!

История, рассказанная другом,
Должна была бы совладать с недугом.

Но не водой, увы, она была,
А только масла в пламень подлила.

Наль молвил: «Что за дивное сиянье!
Откуда это давнее преданье?»

Одну заботу ты забыть заставил,
Но сто других, взамен нее, добавил.

И без того в груди пылало пламя,
А ты еще раздул его словами.

Цвет слез моих стал, как рубины, красный,
Мне в сердце ты вонзил клинок алмазный.

О нет, мой друг, тебя я не виню,
Не жалеюсь, а радуюсь огню!

Ты вылечил меня, живую душу
В больное тело вдунул через уши.

И за мое чудесное прозреньё —
Тебе и небесам благодареньё.

Ты нам принес неведомую ране
Весть о звезде, сияющей в Декане».

Так друга Наль благодарил, впадая
То в крайнее веселье, то рыдая.

Просил еще раз рассказать о ней
И слушал вновь, волнуясь все сильней.

И находил сравненья говорящий
Быстрее, чем к воде бежит горящий.

«Владыка той страны, сказать посмею,
Вознесся только милостью твоею.

Твоим указом он сидит на троне,
В твоих, о царь, благодеяньях тонет.

Тебя он громко славит. Восхваленья
В его устах звучат как откровенья.

Но жил тот шах с печалью на лице:
Отсутствовал алмаз в его венце.

Так было, видно, небесам угодно,
Чтобы жена царя была бесплодна.

А царь, дабы не сеять зла в округе,
Брать не хотел себе другой супруги.

Ведь каждый двоеженец непременно
Стоит в потоке бедствий по колена.

Не может быть двух лун на небосклоне.
Не может быть и двух цариц на троне.

Царь даже к чародейству прибегал,
Но делу этим мало помогал.

То помощи у тайных сил просил он,
То рвался бросить вызов этим силам.

Душа его, сгорев наполовину,
Томилась по наследнику, по сыну.

Неисполнимость страстного желанья
Лишь раздувала скрытое пыланье.

Царь жаждал исцеленья от печали.
Целителя его глаза искали.

На берегу реки, издалека,
Владыке указали старика.

Сей муж, высокий помыслами, скорбен
И до земли тяжелой жизнью сгорбен.

Он одинок, он — царь в обличье нищем,
Он общества друзей давно не ищет.

Душа его — цветник под слоем праха.
На тощем теле — рваная рубаха.

Он от людей навеки удалился,
Он долго в одиночестве молился.

Он духом близок небу — не земле:
Сияет святость на его челе.

Его удел — быть праведным и сирым,
Смиренно поклоняться высшим силам.

На милость неба — старца упованья.
Сад расцветает от его дыханья.

Он может то, чего никто не может:
Звезду судьбы вернуть в зенит поможет.

Царь от своей печали и томленья
Решил просить у старца исцеленья.

Настала ночь... Лишь ночи нам дают
От скорби утешенье и приют.

Завеса тайны, чуждая веселью,
Ночь — гостья, посещающая келью.

Ищи во мраке луч, который ярок,—
Получишь утро светлое в подарок.

Мрак будет посрамлен в одно мгновенье,
Ночь — ключ от сердца, но замок для зренья.

Ночь разломилась на две равных части.
Царь, трепеща, надеялся на счастье.

Меж тем вращался звездный небосвод,
И день родиться должен был вот-вот.

Едва открылось утреннее око
И нежный ветерок подул с востока,

Едва растаял в небе мрак крошечный —
Владыка вышел из дворца поспешно.

Стараясь не бежать, шагал властитель,
Спеша увидеть дервиша обитель.

Старик сидел, считая звезды ночи,
К сиянью дня приготавлиая очи.

Внезапно яркий свет в дверях возник.
«Добро пожаловать! — сказал старик.—

О ты, гонимый вдаль нуждою срочной,
Войди, искатель счастья полуночный!»

На голос старца царь вошел, волнуясь,
Воскликнув громко: «Вот я, повинуюсь!»

И увидал в убогой обстановке
Отшельника на старенькой циновке.

Так тот был тощ и немощен был плотью —
Казалось, опирался на лохмотья.

Но вот он ожил, двинулся слегка
И стал низать на нитку жемчуга:

«О ты, постигший тайны мирозданья,
Весенний дождь в долине созиданья!

Речь праведника — высший дар владыкам.
Внемли смиренно, со склоненным ликом.

Коль ты ко мне явился — пред тобою
Я мудрости своей ларец раскрою.

Благоухает мудрых мыслей сад.
Тебе нарвать букет я буду рад».

Произносил мудрец свои реченья
Приятно, а не тоном поученья.

«О ты, чей жребий вознесен над долом,
Судьба витает над твоим престолом!

В величии с тобой сравниться трудно,
Ты поступать не станешь безрассудно,

Ты прозорлив, и, волею небесной,
Что «царство — только тень», тебе известно.

Таков уж предначертанный закон:
Нуждается в поддержке царский трон.

Владыки мира тоже знают это,
Ища у нищих дервишей совета.

Ты подданного своего обидел?
Знай: ты себя, а не его обидел.

В сосуде у тебя хмельная влага?
Спешి тому, кто жаждет, сделать благо.

Гостеприимный дом — твоя держава.
В нем каждый на привет имеет право.

А ты — хозяин дома, не забудь
И с каждым из гостей приветлив будь!

Богатства раздавай без сожалений,
Чтоб самому не испытать лишений.

Сломай замо́к, открой пошире дверцы
Сокровищниц своих — души и сердца.

Сосуд благодеяний непечатый,
Как мудрый виночерпий, распечатай.

Наполни чаши, пей хмельное зелье,
Но бдительность храни среди веселья.

Пируй привольно и в литавры бей,
Но помни тех, чей дом — приют скорбей.

Такое обращай к другому слово,
Какое хочешь слышать от другого.

Ты в свой черед хмельную чашу выпил?
Пей так, чтоб кубок из руки не выпал.

Будь справедлив. Судьбу людей решая,
Все «за» и «против» взвесь, не поспешая.

Лишь справедливость даст любовь народа,
А не богатство и не знатность рода.

Владыку небо не благословит,
Коль плачут люди, а владыка — спит.

Выслушивай ответы — вопрошая,
Собравшись в путь — иди, не поспешая.

Да будет твоё счастье — в дружбе с миром!
Да будет разум у тебя везиром!

Прославь себя поступками такими,
Чтобы в веках твоё сияло имя.

Старайся знать, пируя в царских залах,
Что о тебе болтают на базарах.

Не часто жизни суть открыта нам,
Поэтому внемли моим словам.

Тот, кто не ставит в грош людского мнения,
И для себя избрал уединенье,

И служит девяти небесным сферам —
Служить не может для тебя примером.

Ученые мужи такого рода
Стеной отгородились от народа.

А ты — владыка. И твои заботы
Должны тому быть соразмерны — кто ты.

На голову твою надев венец,
Тебе вручил ответственность творец.

И ты своей державой править волен,
Так, чтоб творец тобою был доволен.

Примеров тьма тому по разным странам:
Как справедливым быть и как — тираном.

Властитель, знай, что власть — подобье дыма.
С цветеньем розы власть царя сравнима.

И как ее ни бережешь, ни холишь —
Она игрушка детская всего лишь.

Сорви, властитель, розовый бутон
И поразмысли: долговечен он?

В мелодиях семи кругов недвижных
Внемли отличью верхних нот от нижних.

Запомни: люди связаны веревкой —
Тяни ее конец рукою ловкой.

Ты крут — и путь твой вниз идет отвесно,
Узка твоя душа — и дома тесно.

Зачем же сокращать неосторожно
Срок нашей жизни, без того ничтожный?

Гляди на мир внимательнее, шах:
И счастье и беда — в твоих руках.

И если сам стремишься ты к покою —
Даруй покой другим своей рукою.

Правь так, чтобы мелодии печали
В час твоей смерти на земле звучали.

Отвергни суд неправедный и скорый,
Стань правосудья мощного опорой,

Зажги светильник разума в державе,
О смерти думай и о доброй славе!»

Так говорил премудрости знаток,
Перемешав со сладким — горький сок,

Как сок мироболановый — с шербетом...
И улыбался ласково при этом.

Столь ласково отшельник улыбался,
Что царь в долгу пред старцем не остался.

Затем старик властителю деканцев
Дал яблоко и пару померанцев.

И произнес: «На память их возьми ты —
В них животворных весен силы скрыты!»

Царь так истолковал подарок сей:
Родятся дочь и двое сыновей!

На шаха глядя, старец улыбался:
Он понял, что владыка догадался.

Такое свойство истина имеет:
Пробиться через мрак всегда сумеет.

Склонился царь, целуя старцу руку,
Благодаря за горькую науку.

Тот молвил: «Эта горечь благодатна:
Бывает горечь и в вине приятна.

А если тяжко сердцу твоему —
Не придавай значения тому.

Ты лучше стал душой от назиданья.
Теперь закрой глаза и — до свиданья!»

И царь Декана, повинувшись слову,
Закрыв глаза, потом открыл их снова.

И оказался не в пещере дальней,
А около жены в опочивальне.

Жена и муж, переплетя ладони,
Лежат, подобно лепесткам в бутоне...

Вот утро воссияло, как весна,
И с розы ветер сдул накидку сна.

За временем сменилось время года,
И померанец произрос из плода.

На загляденье вырос: величавый,
Достойный званья царского и славы.

Был пир горою во дворце владыки,
Вино струилось, как вода в арке.

Царь, благодарный, лбом земли касался,
Венец его над небом возвышался.

Он каждый день устраивал пиры
И неимущим раздавал дары.

И столькие у шаха угощались,
Что даже во дворце не умещались.

Вот год второй прошел над шахским садом,
И плод второй взошел в нем с первым рядом.

Вновь веселился царь, на троне сидя,
Мир ликовал, веселье шаха видя.

И яблоней в саду земная сила
На третий год владыку наградила.

Исполнилось желание царя:
Дочь родилась — прекрасна, как заря.

Кому б ее увидеть перепало,
Подумать мог: звезда с небес упала.

Ее снабдило небо красотою,
Соединив в одно Луну с Зухрою.

Дочь в колыбельке царственный родитель
Отвез немедля к дервишу в обитель.

Отшельник, в умилении глубоком,
Провидческим на дочку глянул оком.

Внимательно, без жестов, без словес,
Глядел на это чудо из чудес

И долго, чудом этим изумленный,
Стоял, над колыбелькою склоненный.

Хотело пронизательное око
Прочесть на лбу ребенка тайны рока,

Проникнуть в тайну, скрытую во мраке,
Увидеть на челе царевны знаки,

Начертанные будущей судьбою,
Счастливой иль несчастною — любовью.

Конечно, понял мудрый дервиш тот —
С какой из яблонь этот дивный плод.

И, сверившись с гаданьями своими,
Даман — премудрый старец дал ей имя.

«Знай, о владыка, радость наших взоров,
Что дочь твоя — причина для раздоров.

Она уже сейчас, сию минуту,
Своею красотою сеет смуту.

Молва о ней дошла ко всем порогам,
Безумцы всюду бродят по дорогам.

Ее еще никто не повстречал,
А всюду — дуновенье этих чар.

Цари земли, в тревоге ежечасной,
Скрепясь душой, мечтают о прекрасной...»

Увы, читатель, в темноте бескрайной,
Окутаны мы все великой тайной!

Глаза — источник радости и горя,
И тайны жизни скрыты в каждом взоре.

Но если их не понял до поры ты —
Не значит, что они от всех сокрыты.

Другой постигнет эти чудеса
И духом вознесется в небеса.

А я хочу, чтоб ты, бродя по свету,
Искал в глазах красавиц тайну эту.

Но я отвлекся, и настало время
Теперь вернуться к нашей главной теме.

СТРАДАНИЯ НАЛЯ

Знаток преданий, я вернусь к дастану
И так повествовать о Нале стану:

Когда раджа, исполненный томленья,
Красе Даман услышал восхваленья,

Которые рассказчик повторял,—
Он вскрикнул и сознание потерял,

Сознание потерял и обессилел,
И слезы лик владыки оросили.

Спустя минуту он пришел в сознание
И горько сокрушался сквозь рыдания:

«О, горе мне, печаль мне грудь стеснила,
Ушел из тела дух, из сердца — сила,

Любовь, как нож, пронзила сердце болью,
Застряла в нем, посыпав рану солью.

Меня, как волны, бедствия несут,
И молнией расколот мой сосуд.

Зачем, любовь, ты помыкаешь нами —
Во мраке сердца раздуваешь пламя?

Печаль и так мне сердце раскалила,
А ты его, как молния, спалила.

Кто указал тебе в мой дом дорогу?
Кого ты привела к его порогу?

Ты о приходе извещать не стала,
Явилась — и меня врасплах застала.

Разбила ты жестокостью своей
Сосуд моих не знавших горя дней.

Как только ты души моей коснулась —
Основа трона моего качнулась.

Ты хочешь погубить и трон и душу:
Сожгу, мол, сердце, а престол — разрушу!

Судьба моя! Ты стала злой судьбою,
И хаос заключил союз с тобою.

Звезда моя! Зачем зашла до срока,
Не стала камнем на дороге рока?

Нет, не любовь — причина тяжких ран,
А иссушивший душу ураган!»

Так жаловался Наль, ломая руки,
Кляня любовью вызванные муки.

Но, места не найдя себе, порою
Он заменял проклятия хвалою:

«Войди, любовь, в унылую обитель!
Ты здесь не гость, а постоянный житель.

Венец и трон, богатства и святыни,
Душа и тело — все твое отныне.

Оставь мне ночь — возьми восход зари,
Дай угол мне — престол себе бери.

Я в сердце отвожу тебе чертоги.
Сними одежды — отдохни с дороги.

Для скорбного явилась ты спасеньем,
И розы расцвели в саду весеннем.

И счастье распустилось из бутона,
Цветник, а не дворец стал местом трона.

Как долго ждал я твоего прихода
И наконец дождался дня и года!

Ударов сколько нанесла кирка,
Чтоб этот лал извлечь из рудника!

О, сколько мною свечек зажигалось,
Чтоб ты, в пути ко мне, не заплуталась!

От двух сердец горящих, как известно,
Становится светлее повсеместно».

Вот так давал владыка выход чувствам —
На разные лады, с большим искусством.

То тайной сердца с ветром он делился,
То молча чувством собственным казнился.

Шатаюсь от любви, как от вина,
Бродил один вне дома, дотемна,

Бродил, округу песней оглашая,
В печальной песне сердце обнажая.

К жестоким небесам взывал напрасно
И призывал возлюбленную страстно:

«Свеча моя единственная, где ты?
Тобою сердце и душа согреты.

Ты в грудь вонзила острие кинжала
И пожалеть меня не пожелала.

Возмездия побойся, идол мой,
И пожалей пронзенного тобой!

Как в зеркале — твой образ отраженный,
И меч в руке сверкает обнаженный.

Ты прочно поселилась в сердце нищем.
Довольна ль ты, захватчица, жилищем?

Ты в сердце на постой остановилась —
И темная обитель осветилась.

Мой царский трон с твоею колыбелью —
Одной столярной мастерской изделия.

Приду на площадь, где твое жилье,
И подмету ресницами ее!

Я — идолопоклонник. Знай про это,
Скрываясь от меня далеко где-то.

Во время царских пиршеств над столами
Я в честь твою зажгу огни, как в храме.

Не любит праздных слов, пустой беседы
Тот, кто читает истинные веды.

Схвачу я в храме бога-истукана
И расколю об голову брахмана.

Ты — идол мой, ты — мой огонь и свет!
Жесточе этой веры — в мире нет.

Хотя твой дальний образ прояснился —
Он мне еще ни разу не приснился.

Я в сердце без тебя кинжал вонзаю,
А как живешь ты без меня — не знаю.

Я без тебя в тоске не сплю недели —
А каково тебе в твоей постели?

Я сердце потерял и стал аскетом —
А ты не знаешь ничего об этом.

Я выплакал кровавых слез реку —
Смеешься ты, бродя по цветнику.

Я в прах повергнут и взываю: «Где ты?»
А ты танцуешь — и звенят браслеты.

Я — нитка. Ты — жемчужины в избытке,
Под тяжестью которых рвутся нитки.

Удел мой — в тигле страсти плавить сердце.
Тебе же — лишь бы в зеркало глядеться.

К последнему готов я новоселью —
А ты приготавлиешься к веселью.

Я жажду исполнения мечты —
Жестокая, лишь крови жаждешь ты!»

СТРАДАНИЯ ДАМАН

Воспевшие страдания, взгляните,
Как тут переплетаются две нити:

В ту ночь, как в сердце Наля страсть
проснулась,
Волнение души Даман коснулось.

Как бы иголки ощущая в теле,
Даман металась на своей постели:

Ведь сердца два в едином состоянье
Друг друга узнают на расстоянье,

Поскольку у обоих жар в крови
От одного напитка — от любви!

В глаз друга залетит случайно мошка —
У милой тут же разболится ножка.

Ведут одну мелодию два саза —
Два сердца предаются страсти сразу.

Томится сам — и чувствует влюбленный
Томление любимой отдаленной.

Когда влюбленный пьян от влаги в кубке —
То в этом же вине и милой губки.

Та влага, от которой Налъ был пьян,
Одна могла бы утолить Даман.

Всю ночь уста возжаждавшей стонали —
И стоны достигали сердца Наля.

На дерево любви взгляни, влюбленный!
Блажен, кто отдохнет в тени зеленой.

Безжалостно разит любовь земная —
Меч двусторонний, молния двойная.

И моря берега между собою
Общаются благодаря прибою...

Терпенья ткань была совсем тонка, —
Отведала Даман лишь полглотка.

Ей внове было смутное волнение —
И на челе застыло удивление.

Неясная мечта ее томила,
Великая тоска ей свет затмила.

И думала в смятении немало:
«Не понимаю, что с моим сетаром?»

От чьих стенаний мой сетар рыдает?
Где человек, который так страдает?

От чьей любви я стала так слаба
И в чьих руках теперь моя судьба?

Пробито мое сердце чьей стрелою,
Чей занесен клинок над головою?

В груди моей — пожар и пепелище,
Огнем озарено мое жилище».

Смятенных чувств своих не понимая,
Даман была безумна, как хмельная.

Но, пробуя их выразить словами,
Она лишь подливала масла в пламя.

Ее сетар о страсти вел рассказ,
Но дивный музыкант был скрыт от глаз.

Вот так воображение нам в угоду
Рисует то, чего не видел сроду.

Даман уже его боготворила,
Кормилице украдкой говорила:

«Ведь я — индуска, а в индусской вере
Для идола всегда открыты двери.

Его черты меня не устрашают —
Чертог души собою украшают».

Кормилица, услышав речь Даман,
Окаменела, словно истукан.

И впрямь, любой в тот миг, взамен ответа,
Спросил бы про Даман: «Она ли это?»

Кормилица Даман в оцепененье
Гадала: «Кто поверг ее в волнение?»

Весна пришла, деревья пробуждая,
Но далеко еще до урожая,

А этот плод на дереве высоком
Готов упасть, хоть не налился соком!

Кто этот идол, образ этот — чей?
Кто этот дальний маг и чародей?»

А вскоре и родители узнали
О беспричинной дочкиной печали.

А каждый шип, что ранит наше чадо,—
Несчастье для родительского взгляда.

Мать ради дочки обо всем забыла
И нежности ларец пред ней раскрыла:

«О свежий стебелек в саду весеннем,
Зачем твоя душа полна смятеньем?»

Зачем весенний ветер так жесток
И вянет юной розы лепесток?

Быть может, это шутит злая фея?
Тогда велю я кликнуть чародея.

А коли это чье-то заклинанье,
Тогда молю не обращать вниманья.

Зачем же, состязаясь с волосами,
Все твои мысли растрепались сами?

Ведь ты благоразумна с малых лет,
И верить в чепуху тебе не след.

Я — мать твоя, и я бы не хотела,
Чтоб сердце страх одел, как платье — тело».

Родители желали пламя страсти
Задуть,— увы, не в их то было власти!

Ни ласковость родных, ни поученья
Даман не приносили облегченья.

Тогда к больной царевне пригласили
Кудесников и магов в полной силе.

Но и они решили, что она
Во власти наважденья или сна.

Мол, в зеркале увидев отраженье,
Подумала, что это — наважденье.

Так мудрецы рядили и гадали,
В сокрытые стремясь проникнуть дали.

Возможно, что в озлобленности крайней
Заколдовал царевну недруг тайный?

Иль сглазило ее дурное око?
Да покарает рок его жестоко!

Зачем у нас в глазах крошечный мрак?
Зачем наш сад в дыму? Кто сделал так?

Зачем Зухра так ярко пламенеет,
Когда луна вид месяца имеет?..

Над дочерью, по царскому желанью,
Колдуньи бормотали заклинанья.

Но девушку пленивший образ дальний
Был не волшебный, а вполне реальный.

И маги, и колдуньи, как ни бились,
Успеха в исцеленье не добились.

Отец, взирая на свое дитя,
Страдал, помочь ей чем-нибудь хотя.

Он, как змея, от боли извивался,
От сна и от еды он отказался,

Все думал: чем помочь любимой дочке?
Но нитки нужной не нашел в клубочке...

Да, кто любовной не познал кручины,
Понять не может и ее причины!

РОДИТЕЛИ УЗНАЮТ О СТРАДАНИЯХ ДАМАН

О ты, знаток и созерцатель страсти,
Ты знаешь все — и целое, и части,

И радости, и горести... О ней
Никто не скажет лучше и верней.

И в час разлуки, и в минуту встречи
Горят сердца влюбленных, словно свечи.

Любовью боль сердечная зовется,
В корнях волос страданье отдается.

Судачат на базарах: как мы страждем...
Любовь живет, как дома, в сердце каждом.

Но затворяться в доме — не желает...
От хвороста сильней огонь пылает!

В тумане тайны скрытая Даман
Вдруг захотела разогнать туман.

Ее подругой, лучшей в мире целом,
Была одна — серебряная телом.

Была она с царевной днем и ночью,
Ее страданья видела воочью,

Не в силах с этим зрелищем мириться,
Явилась сребротелая к царице.

«Владычица! — воскликнула подруга.—
Владыки венценосного супруга!

Блестят с Зухрою рядом, как заря,
Венец царицы и венец царя!

Царевна от меня скрывает что-то,
Но мне слышна таинственная нота.

Стараюсь я понять ее значенье,
Хочу принести царевне облегченье.

Хочу для лучшей из жемчужин царства
Я отыскать целебное лекарство.

Как чужестранка, объяснить не может
Она сама того, что сердце гложет.

Под властью чар страдает госпожа.
Ее очаровал один раджа.

Проник он во дворец из дальней дали,
Перед Даман витает образ Наля.

Она покоя с виду не теряет,
Но тайно в этот образ взор вперяет.

Любовь, что так внезапно налетела,
Терзает ее душу, плавит тело.

Даман, мечтая о своем герое,
Сознания лишается порою.

Придя в себя, вдаль устремляет взгляд,
Который словно кем-нибудь заклят.

Посмотришь на нее — и станет жутко,
Поймешь: она лишается рассудка».

Услышав эту речь, царица вскоре
Отправилась к царю в глубоком горе.

А тот, собрав придворных без отсрочки,
Поведал им о состоянье дочки:

«Тот стебелек, который мы растили,
Печально вянет и теряет в силе.

Цветок, которым царство дорожит,
Как тело бездыханное лежит.

Душа царевны истекает кровью,
Даман лежит, сраженная любовью,

И слезы льет из глаз алее лала...
Как родинка, любовь к Даман пристала.

А родинка, известно,— знак особый
Любви. Но не для царственной особы.

Как быть? Я опозорен меж людьми!
Все громче слышен колокол любви...

О, если небеса открыли мне бы
Заранее, что горе рухнет с неба!

Теперь, когда бутылъ упала с полки,
Разбилась и повсюду лишь осколки —

Что я теперь с надеждами моими?
Где честь? Где незапятнанное имя?»

Придворные, услышав эти речи,
Склонили низко головы и плечи,

Изображая состраданья знак,
Вдохнули горько и сказали так:

«Владыка наш, не думай об угрозе,
Не дай увянуть радости, как розе.

Все на земле зависит друг от друга,
Есть сто лекарств от каждого недуга.

Болезнь царицы, как ни назовется,—
Не тайна. Средство от нее найдется.

Добро, что ты поведал тайну миру,
Но поручи сей камень ювелиру.

А коли честь желаешь сохранить —
Покрепче жемчуг нанижи на нить».

Раджа, в волненье бывший непритворном,
Слегка прибодрясь, сказал придворным:

«Друзья мои, подобные алмазам,
Известны ваши преданность и разум!

Я был бы глуп, когда б не попытался,
Чтоб жемчуг сей в ларце моем остался.

Но что мне делать? Случай это редкий:
Ведь молодая лань не стерпит клетки!

Из моря извлеченная ловцом,
Жемчужина моя мрачна лицом.

Цвел нежный гиацинт одно мгновенье —
И от осеннего поникнул дуновенья.

Сей дивный плод лишь начал крепнуть телом,
Но он еще не скоро станет зрелым...»

Отец и мать врата для назиданий
Открыли в доме дочкиных страданий:

«О светоч наших глаз, сердец услада,
Смущать покой родительский не надо.

Мы за тебя в ответе пополам,
Как белая бумага и калам.

Услышав, о дитя, твои рыданья,
Пришли мы облегчить твои страданья.

Пусть наша дочь признаний не боится,
Не надо от родителей таиться.

Ведь запахом печали и тревоги
Насквозь пропахли царские чертоги.

Мы все в плену у собственного сердца,
И никуда от этого не деться.

Страдания даются нам судьбой,
Но слишком рано шутит рок с тобой.

Должна теперь ты духом укрепиться,
В таких делах не надо торопиться.

От происков судьбы, ее коварства
Терпенье — наилучшее лекарство.

Не торопись постичь судьбу заранее,
Терпи — и лев окажется в капкане».

Услышав наставление такое,
Даман отнюдь не обрела покоя.

Как мать с отцом ни утешали дочь,
Ей не смогли ничем они помочь.

Даман с утра до вечера рыдала,
День ото дня все явственней страдала.

И более того: все наставленья
Усилили любовное томленье.

Для пойманных врасплох любовной сетью —
Мгновение равно тысячелетию.

Даман забыла царское величье,
Условности, запреты и приличья.

Стоя луноликой достигал высот,
А вздохи прожигали небосвод.

Не странно ли? Таких стенаний звуки
Вполне уместны только при разлуке.

Твердила всем она, тоской объята:
«Наль виноват — а я не виновата.

Не я по острию брожу страданий —
Наль руку приложил к ножу страданий.

Была я терпелива и смиренна —
Наль сделал так, что я душой смятенна.

Зовет меня последовать судьбе,
Издалека зовет меня к себе.

Была верна я отчему порогу —
Но слышу: Наль зовет меня в дорогу...»

Слух о любви Даман, о царском горе
По всей стране распространился вскоре:

Коль в пламя благовония кидают —
Во всех чертогах запахи витают.

Коль стал бутон в саду многолепестней,
Повсюду соловьи заводят песни.

Мелодия любви сильна, друзья,
Ее от мира утаить нельзя.

НАЛЬ ОТПРАВЛЯЕТ ПОСЛАНИЕ СВОЕЙ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

Как утро украшает сад цветами —
Так сей рассказ украшен будет нами.

Наль, до рассвета не смыкавший вежды,
Растил в душе соблазны и надежды.

С бессонницей своей не зная сладу,
Он, выйдя из дворца, бродил по саду,

Больной души пылающие раны
Переложить пытаясь на тюльпаны.

И, обессилев, ибо ночь не спал,
Среди лужайки, как тюльпан, упал.

Наль был безумен с самого начала —
Весна к тому ж усиливала чары.

Склонялся к розе соловей с любовью —
А сердце Наля обливалось кровью.

И в нежном лепесточке розы каждой
Он видел ту, по ком томился жаждой.

И кровь из сердца, превращаясь в слезы,
Текла ручьями, орошая розы.

Так он по саду без конца бродил
И места для себя не находил.

Или терял сознание на мгновение
От легкого зефира дуновенья.

Или тропой к ручью спускался, или
На траву падал, как мы говорили.

Как вдруг из Сарандиба, то есть края,
Где розы пахнут ароматом рая,

На солнце ослепительно блистая,
Золотокрылых птиц примчалась стая.

И на лужайке, где лежал он ниц,
Вдруг зазвучало пенье райских птиц.

Настолько дивны были эти звуки,
Что восторженулся Наль, забывши муки.

Велел слуге тотчас раскинуть сети,
Чтоб не умчались прочь певуны эти.

Однако птицы, что так сладко пели,
Сетей избегли и взлететь успели...

Одна лишь не успела в небо взвиться —
Запуталась в сетях коварных птица.

И, осторожно распустивши сеть,
Пересадила слуга ту птицу в клеть.

Пошел к владыке с птицею чудесной,
Надежно заточенной в клетке тесной.

В молчании друг друга созерцали
Два пленника с разбитыми сердцами.

Кто более несчастен, чем плененный?
Кто более несчастен, чем влюбленный?

Тут как страдальцам не разговориться?
И скорбному царю сказала птица:

«И ты парил, как птица, в облаках,
И ты, как я, запутался в силках.

Зачем сажают в клетки птиц нередко,
Когда весь этот мир — большая клетка?

Мы оба в мире пленники с тобою —
С любимыми разлучены судьбою.

И так рыдаем мы, сквозь прутья глядя,—
Какая же нужда в двойной ограде?

Да, клетка — мир, и клетка — это тело.
Я в клетке, а подруга — улетела.

Я от разлуки с нею — как в огне,
Мерещится ее свобода мне.

Казалось: я в твоём саду побуду —
И, может, хоть на миг ее забуду.

И вот расплата за надежды эти —
Попался я в раскинутые сети.

Пусти меня на волю, шах любезный.
Как знать, вдруг окажусь тебе полезной».

Ответил Налъ: «Считаю знаком свыше
Все то, что от тебя я, птица, слышу.

И ты томишься, как и я точь-в-точь.
Но сможешь ли ты чем-нибудь помочь?

Ты говорила так правдоподобно —
Скажи теперь: на что же ты способна?»

В ответ сказала птица: «Я сегодня
С душой рассталась, волею господней.

Но в тысячах садах по белу свету
Подобной мне смышленной птицы нету.

Росла я в кронах кедров, в ветках сосен,
А влюблена я в терпкий запах весен.

Красавиц я могу заколдовать,
Могу советы страждущим давать.

Я знаю: даже в странах отдаленных
Тебе подобных не было влюбленных.

На утренней заре бродя по саду,
Ты даришь свет очам, душе — отраду.

К тебе обращены мечты и взоры,
Лишь о тебе повсюду разговоры.

У птиц, что о себе лишь распевали,
Теперь одна мелодия — о Нале.

Ты жаждешь одного — вестей от той,
По ком давно томишься ты тоской.

А я могу доставить ей искусно
Твое посланье — письменно иль устно».

И Наль тотчас душою загорелся,
Пошел к ручью, на берегу уселся.

И, заострив ножом конец тростинки,
Рассек, как сердце, на две половинки.

И стал к любимой сочинять посланье,
Вложив в него сердечное пыланье.

Поведал он избраннице своей,
Что тайно посылает птицу к ней.

Что суждено ему рыдать, как птице,
На берегу ручья, как рыба, биться.

И далее: «О идол, мир затмивший,
Всех идолов на свете посрамивший!

Повергнув в горе половину мира,
Ты солнце и луну собой затмила.

Луну и солнце лик твой совмещает —
Он днем и ночью землю освещает.

Не нужен красоте твоей наряд:
Луна и звезды завистью горят.

Черствейшие сердца мужей без бою
Покорены, прекрасная, тобою.

А я давно — страдалец бессловесный...
Ты подарила сердцу мир чудесный.

Я начал созерцанью предаваться:
Со стороны тобою любоваться.

Издалека летевший камень страсти
Разбил сосуд души моей на части.

Когда твой аромат меня достиг,
Я разлюбил прекрасный свой цветник.

От вечной грусти тело похудело,
Как волос, стало немощное тело.

Хоть призрачен сей мир, как говорится,
И эта жизнь, возможно, только снится,—

Сама подумай: стоит ли пытаться
Одними только мыслями питаться?

Мудрец сказал, что, кроме нашей встречи,
Меня ничто на свете не излечит.

Любви не знал я и не ведал мук,
Ни встреч не знал я прежде, ни разлук.

Узнал я эти сладостные муки...
Мне говорят: они из-за разлуки.

Любовь ли это? Я не знаю точно.
Но я влюбился, видимо, заочно.

Я весь пылаю, как горючий камень,
Ты, говорят, раздула этот пламень.

Дни жизни, омраченные страданьем,
Считаю я не жизнью — умираньем.

Чем жить, страдая, от тебя вдали,
Ты лучше Налю умереть вели.

Сияет красота твоя звездою,
Нет, не звездой — луною молодою!

Весна мне посыпает раны солью,
Любви лужайка зацветает болью.

Я думал: от любви светлеют очи —
Но тьма ее страшнее мрака ночи.

Я думал, что любовь — благая сила,
Она же жизнь мою дотла спалила.

Я думал: расцвету, как вешний сад,—
Любовь меня в огонь повергла, в ад.

Я думал: защитит меня от жара —
Но все сильнее жар ее пожара.

Я думал: боль излечится любовью —
Она же обогрела очи кровью.

Я думал: свет ее — животворящий,
Она ж подобна молнии разящей.

И от ее ожогов всюду раны
Горят на теле, как в саду тюльпаны.

Забыл я сон, терпенье и покой...
Приди на помощь мне в беде такой!

Тогда я позабуду веру нашу,
Твоим зуннаром я себя украсу.

Пойми: любовь моя — самозабвенье.
Пойми скорее — кончилось терпенье.

Пойми: вся грудь в огне — вздохнуть боится,
И сердце утомленное дымится.

Пойми: из сердца льется кровь на землю,
Безумен я — и ничему не внемлю.

Я — идолопоклонник меж людьми.
Дворец мой ныне — храм огня, пойми!

В моем саду благоухает роза —
А в сердце у меня торчит заноза.

Я истощил терпения запасы —
Жить без тебя я не могу ни часа.

Любовь меня ограбить поспешила —
И сердца и терпения лишила.

Мой день — в огне, а ночь — во власти муки.
Никто так не страдает от разлуки.

Вино, чей цвет напоминал мне лал,
Как пламя, нынче льется в мой бокал.

Какая жалость! Дни мои проходят
В надежде — и надежды не находят.

Но если встречу как-нибудь с тобою,
Свою печаль я растопчу ногою.

Всегда ловцов жемчужин много будет,
Но кто же этот жемчуг раздобудет?

Лал драгоценный, украшение трона,
Украсится тобою чья корона?

Прозрачны мои щеки, как янтарь,
А слезы — кровь, как говорили встарь.

В твоих руках и радость и страданье,
В твоих руках разлука и свиданье.

Я сам — звезда! Так не побрезгуй мною,
Поскольку ты являешься луною.

Кровь сердца я вложил в посланье это.
Любимая моя, я жду ответа.

Ведь это о любви моей посланье,
О радостной весне напоминанье.

Оно содержит правду — не обман.
Пусть все о Нале будет знать Даман.

Оно — лишь песня, полная рыданий,
Оно — лишь крик моих ночных страданий.

Прими посланье и не будь в обиде,
Что я еще дышу — тебя не видя».

И на полях любовного посланья
Наль приписал здоровья пожеланья.

И кончил, не без умысла, замечу:
«Пиши. Любой ответ — сочту за встречу».

Закончил он посланье про любовь,
Чернилами была из сердца кровь.

Затем свернул заветные страницы
И привязал к крылу волшебной птицы.

ОТВЕТНОЕ ПОСЛАНИЕ ДАМАН

Владеющий волшебною строкою
Так сплел одну мелодию с другою.

Вот нашего рассказа продолженье:
Умчалась вдаль быстрее воображенья

С письмом любовным птица. А на деле
Все мысли Наля вслед за ней летели.

Над множеством пустынь и диких гор
Ее полет был необычно скор.

Боясь упасть под тяжестью посланья,
В котором столько страсти и желанья,

Достигла замка, поднялась повыше
И села отдохнуть у края крыши,

Взглянуть оттуда: где теперь девица,
На красоту царевны подивиться.

Даман в саду гуляла, с замком рядом.
Она сама была цветущим садом.

Слетела с крыши птица и в саду
Уселась у прекрасной на виду.

И в тот же миг сверкнули птицы крылья —
Как будто розы лепестки раскрыли.

Вокруг нее ходили, величавы,
Другие столь же красочные павы.

Та, что от Наля принесла посланье,
Плясала, чтоб привлечь к себе вниманье.

И вдруг души Даман весна коснулась,
И вздрогнула Даман, как бы проснулась.

И задала самой себе вопрос:
Откуда на лужайке столько роз?

Взлетели разом красочные птицы —
Одна не захотела следом взвиться.

Даман лишилась в тот же миг покоя:
Что это, мол, за колдовство такое?

Кто эта птица? Что сказать хотела
Тем, что вослед другим не улетела?

Даман к волшебной птице поспешила
И, сняв вуаль, накрыть ее решила.

Но та, взмахнув крылом, бежит скорей
В глубь сада — и Даман спешит за ней.

Она все больше птице удивлялась,
Все дальше от подружек удалялась,

И, наконец, решив остановиться,
Раскрыла клюв, заговорила птица:

«О ты, чья прелесть, пышно расцветая,
Воспламеняет идолов Китая!

Ты не спеши, догнав, меня коснуться,
Тобой любуюсь, я могу споткнуться.

Боюсь я, как бы мне не привелось
Запутаться в плену твоих волос.

Поймать меня не следует пытаться:
Сама готова в руки я отдаться.

Обычных птиц взлетела в небо стая,
А я, запомни, птица непростая.

Я — знающая тайну страсти птица,
И тайна под моим крылом хранится».

И птица вдруг — взялась откуда смелость? —
Спокойно на ладонь Даман уселась.

И, словно роза, с девичьей руки
Роняла слов душистых лепестки:

«И ты причастна к этой тайне станешь,
Когда письмо из-под крыла достанешь.

Его я принесла из дальней дали,
Оно тебе поведаст о Нале.

О юноше, прекрасном и влюбленном,
Но от тебя, увы, столь отдаленном.

Для этого спешила я дорогой
Далекою — не будь со мною строгой,

Возьми посланье и прочти его,
Мне ж от тебя не надо ничего».

Волшебной птицы выслушав признание,
Даман упала, потеряв сознание.

Когда ж в себя пришла царица вскоре —
Вскипела в сердце кровь, как волны в море.

Велела всем из сада удалиться,
Чтобы вдвоем остаться с чудной птицей.

На траву села и дрожащей дланью
Взяла и распечатала посланье.

Читала — и любое слово в нем
Девичье сердце сладко жгло огнем.

Любое слово голову кружило
И страсти доказательством служило.

И так Даман заветные листочки
Прочла от первой до последней строчки.

Усевшись у ручья, перо достала
И сочинять ответ немедля стала.

Был тот ответ поэмой о страданье,
И в каждой строчке слышалось рыданье.

Окончивши писать, как повелось,
Текст просушила амброю волос.

И, на колени положив сначала,
Ответ готовый в трубочку скатала.

Перевязала волоском страницы
И прикрепила под крылом у птицы.

Свои печали птице, кончив дело,
Поведала — и птица улетела.

Осталася Даман с душой, объятый
Тоскою о посланнице крылатой.

Я так скажу, прочтя письмо Даман:
Обычно письма женские — обман.

Как лицемерить женщины умеют!
Повсюду семена безумья сеют.

Рождают взглядом тысячу желаний.
Они — свирепый тигр под видом лани.

Они самовлюбленны и надменны,
Погибят мигом — и спасут мгновенно.

А иногда, забыв самовлюбленность,
К поклоннику проявят благосклонность.

Но то письмо вам привести спешу,
Как будто кровью сердца сам пишу.

Слова в посланье нашей героини
Дышали жаром, как пески пустыни.

В начале было обращение к богу,
К тому, кто дал надежду нам в подмогу,

Кто создал храмы в здепнем мире тесном
И план дворцов предначертал — в небесном.

Как океан — его благая сила.
Пыль с ног его — небесные светила.

Высокий ум принес он людям в дар
И крылья для полета птицам дал.

А дальше так: «Владыке мира Налю —
От той, что так унижена в печали.

Радже, кому вселенная подвластна,—
От той, что одинока и несчастна.

Привет, и благодарность за посланье,
И долгих лет и счастья пожеланье.

В письме, что получила я от птицы,
Благоухают мускусом страницы.

Меня пленило и свело с ума
Безумие любовного письма.

Теперь узнай, возлюбленный, какое
Мое житье, как я борюсь с тоскою.

Я чувствую, что я попала в путы,
Все мои мысли на тебе замкнуты.

Мы созданы, должно быть, друг для друга.
Надежда — моя верная подруга.

Бессонны очи, сердце тайну прячет,
А о любви моей весь мир судачит.

Не выходя из дому, за стеной,
Мечтой люблюсь, созданною мной.

И днями, и бессонными ночами
Твой образ неизменно пред очами.

О, как промка об этой страсти слава!
Вокруг меня советчиков орава,

Но та, чья грудь поражена любовью,
К упрёкам равнодушна и к злословью,

Борясь сама с собой, мечусь я между
Отчаяньем глубоким и надеждой.

Мне без тебя не мил отцовский кров,
И слезы льются, красные, как кровь.

А злые языки не умолкают,
Безжалостно язвят и упрёкают.

Девичья моя скромность безвозвратно
Утеряна — и не вернешь обратно.

От мыслей о тебе и так мне больно —
Отец и мать к тому же недовольны.

В конце, и в середине, и в начале —
Весь день рыдаю. Дом мой — дом печали.

Безумье принесло свои плоды:
Пожар в груди — и нет вблизи воды.

Огня в душе печаль не погасила,
А в храм огня всю душу превратила.

Жить без тебя мне тяжело и скучно —
Но в мыслях я с тобою неразлучна.

Проходят ночи в странном состоянье:
Как пламя, жжется лунное сиянье.

А день — как ночь, он темен в той же мере,
Чтоб не глядеть — я запираю двери.

Не ты посыпал солью боль мою —
Я соль из глаз сама все время лью.

Киплю я, как вино вскипает в чаше,
Горю я, как огонь в жаровне нашей.

Печаль любви я в песнях прославляю
И всех вокруг их слушать заставляю.

От пламени кирпич терпенья треснул.
Как в четырех стенах мне стало тесно!

Ты — властелин, ты небесам угоден,
Ты в действиях своих всегда свободен.

Я — узница, живущая с трудом,
Темницу мне напоминает дом.

Ты — властелин, все под твоею властью,
Зачем тебе пылать одною страстью?

Пей весело, собравши приближенных.
Печальное вино — удел влюбленных.

Венец твой царский — гордость мирозданья,
К чему тебе любовные страданья?

Сокровища твой взор ласкают ныне —
Привыкнули ли глаза к пескам пустыни?

Прошу я: сердца бедного не тронь
И хворост не подкидывай в огонь.

Тебе ль не знать об этих муках вечных?
Оставь огонь любви для бессердечных.

Ты стал души владыкой полновластным —
Доколе ей страдать под тнетом страстным?

Ты знаешь все любовные преданья
И должен понимать мои страданья.

Себя я потеряла, став рабою,
Тебя не видя, я пьяна тобою.

К твоим берегам стремлюсь издалека.
Я жаждою томима. Ты — река.

О, как бы мне приблизить встречу нашу?
Как на пиру любви испить мне чашу?..»

Вот так пролог любви, слепой и страстной,
Запечатлен в письме Даман прекрасной.

Наль, получив письмо с гонцом крылатым,
Был опьянен любовным ароматом.

И люди правду о Даман и Нале
По аромату этому узнали.

Слух пересек границы многих стран.
Достиг он и родителя Даман.

Раджа уже давно и сильно очень
Был будущим принцессы озабочен.

К злу и добру склоняясь попеременно,
Велел установить за дочкой слежку.

Известно ведь из мудрости старинной:
Два запаха — любви и чаши винной,—

Как ни хитри, ни действуй осторожно,
Скрыть от людей надолго невозможно!

Созвал раджа мужей почтенных лет
И стал держать о дочери совет.

И к небесам те обратили взоры.
Направили на них свои приборы,

И долго-долго звезды созерцали,
Которые загадочно мерцали.

Старались выведать у небосвода
Вернейший час, и день, и время года —

Двум деревцам подростшим сделать чтобы
Прививку от несчастья и от злобы.

Решили, верность небесам храня:
Годится полдень некоего дня.

Так о Даман судили и рядили:
Замужество ее определили.

И тут же были призваны брахманы,
Чужие посещающие страны.

Чтоб новость замечательную эту
Они немедля разнесли по свету.

Чтоб эта весть благая в странах разных
Дошла до слуха юношей прекрасных:

Такой обычай испокон веков
Был в Индии для царских женихов.

Когда невеста царственного рода
Входила, как теперь сказали б, в годы,

Родители, в стремлении едином —
Желая сочетать алмаз с рубином,

И в близкие окрестности, и в дали
Гонцов с известьем этим рассылали.

И назначали точный день и время,
Чтоб юноши вдевали ногу в стремя,

Садились на коней и тнали их
Туда, где избирается жених.

Съезжались все в условленное место,
В ряд становились принцы, а невеста

С гирляндой, цветами перевитой,
Шла плавно вдоль шеренги именитой.

Того, кого сердечко отмечало,
Она гирляндой этою венчала.

Таков был установленный навеки
Молодоженов шуть в чертоги неги.

Даман, когда узнала эту весть,
От счастья не могла ни пить, ни есть.

«Сбывается заветное желанье —
И жизнь опять сладка, не тяжела мне!»

Что ж, коль посмотришь более глубоко:
Не только красные цветы в саду у рока...

ДАМАН
ВЫБИРАЕТ НАЛЯ ЖЕНИХОМ,
А КОЛДУНЫ ПЫТАЮТСЯ
ЧИНИТЬ ЕЙ ПРЕПЯТСТВИЯ

Когда весной, раздутый ветерками,
Блеск алой розы затмевает пламя,

Путь ветерков тех меж садов и башен
Пылающими розами украшен.

Благоуханье всюду разлилось,
Желанье в сердце будит запах роз.

Весенний блеск в глазах красавиц милых,
Кровь заиграла у влюбленных в жилах.

Насыщен воздух, как умы ученых,
Желаньем полон, как сердца влюбленных.

И тучи, что над пашнями нависли,
Щедры на влагу, как мудрец на мысли.

В одно смешались ароматы мира —
Степей Тибета и садов Кашмира.

Как нежный ветерок, звенит струна,
Смешался запах розы и вина.

Весной земля индийская пригожа,
На пагоду китайскую похожа.

Рассудок от весны изнемогает,
Безумье, словно хмель, людей шатает.

Крылаты деревца в садах плодовых,
На птиц похожи, вдаль лететь готовых.

Павлины оперением гордятся,
К огню бутонов соловьи стремятся.

Весна любовью обновила мир,
И увивался вокруг цветов зефир.

А розы были так благоуханны —
Бутоны извергались, как фонтаны.

Распахивали створки... В этой раме
Виделась роза, словно идол в храме.

Так складно на деревьях пели птицы,
Как будто были вед священнх чтицы.

Кипела кровь в тюльпане полудиком,
Фиалка обнималась с базиликом.

Но увели фиалку, молвив: «Нет,
Весною не годится синий цвет!»

Вода в ручьях звенела веселее
И весело кружилась вокруг лилеи.

И вот в разгар такой весны прелестной,
Сошедшей наземь с высоты небесной,

Нашь, небесам воздав благодаренья,
Заканчивал свои приготовления.

В Декан он собирался. Вешним садом
Цвела пустыня под влюбленным взглядом.

Чудесным днем, весеннею порой,
Отправился в дорогу наш герой.

Сам — как цветок под сенью кипариса.
Вельможи с ним в дорогу собралися.

На много милей растянулась свита.
Здесь было все — ничто не позабыто.

Здесь было амбры разливное море
И мускуса тибетское нагорье.

Шел дальше караван раджи — и дали
На всем его пути благоухали.

Слоны несли албэ и сандал,
Коралл и жемчуг, золото и лал.

Мехам ценнейшим даже звездочеты
Не знали окончательного счета.

Тюки с парчой и шелком из Китая
С собою взяли, также не считая.

И благовоний из запасов царских —
Индийских, и китайских, и татарских —

Везли с собой во множестве великом.
Пленительных красавиц с нежным ликом

Скрывал от солнца каждый паланкин.
Везли запасы сладостей и вин.

Китайские наложницы с косою
Старались остальных затмить красою.

И красовались на конях игривых,
На скакунах хиджазских, рыжегривых,

Вельможи. Над пустыней пыль дрожала.
Мечта раджи его опережала.

Вдыхал он дальним ветром доносимый
Неуловимый аромат любимой.

Он торопил коня в далекий край,
Где ожидал его блаженный рай.

И вот на горизонте, из пустыни,
Возникли очертания твердыни.

Вершины башен к небу прикосались,
И облаками купола казались.

Толпились люди в этом дивном граде,
Прибывшие сюда невесты ради.

Здесь пели, пили, радость здесь царила,
Здесь людям праздник небо подарило.

И Налъ со свитой, подойдя к вратам,
Вошел во град и занял место там.

Там, во дворце, в окне, за шелком шторы,
Скрывалась та, к кому стремились взоры,

Та, что могла разить людей очами,
Пронзая сердца смертельными лучами.

Даман за шторой, в уголке укромном,
Приезжих обводила взором томным.

Наль, ослепленный страстью, словно к солнцу,
Взор устремил к заветному оконцу.

Даман сидела скромно во дворце
При матери своей и при отце.

Предчувствие любви ее томило.
Она, как роза, голову клонила.

А царственный отец, сверкая взглядом,
Как верный страж, стоял с принцессой рядом.

Он был хозяин истинный и славный
И свято соблюдал обычай давний:

Закон гостеприимства уважая,
Гостей кормил, даров не принимая.

И в поясах золототканых слуг
Гостям он предоставил для услуг.

А сколько знати, самой именитой,
Сюда явилось с войском и со свитой!

По очереди принцы всех династий,
Приехав, раздували пламя страсти.

Толклись, чтоб к цели ближе оказаться,
Старались в полном блеске показаться.

Все эти венценосные персоны
На площадях установили троны.

И каждый шах, раджа или эмир
Закатывал там свой, отдельный, пир.

Никто, однако, не имел понятия,
Как заключить луну в свои объятия.

Был каждый словно одержим одною,
Конечно же, несбыточной мечтою.

Поскольку все приехавшие эти
Мечтали о единственной на свете.

И та звезда, на ком все интересы
Сошлись, явилась вдруг из-за завесы.

Кокетлив был небесный взор Даман,
И с каждым шагом колебался стан.

Она плыла меж юношей влюбленных,
Пьяня красой-вином неопьяненных.

Приблизилась пленительная к месту,
Где Наль в смятенных чувствах ждал невесту.

Стояла и красе раджи дивилась —
В его глазах открыто страсть светилась.

Луною среди звезд, вокруг зажженных,
Сиял он, затмевая приближенных.

Никто не знал, что меж гостями тут
Есть колдуны — и лишь момента ждут.

Коварным колдунам хотелось очень
Затмить принцессы ищущие очи,

Способные и с ангелом лукавить,
И колдуна остоленеть заставить.

И нелюди, страдая молчаливо,
В толпе скрываясь, ждали терпеливо.

Они здесь ели-пили, здесь и спали.
Дождались часа: возле Наля встали —

Не отличить ни облик, ни наряд:
Десяток НалеЙ выстроился в ряд...

Волшебники, они, конечно, знали
О двух влюбленных — о Даман и Нале.

И знали способ своего добиться —
Даман заставить не в того влюбиться.

Когда настанет время повстречаться
Влюбленным — надо лишь не отличаться

Ничем от Наля. И с печальным взглядом
Все, как один, они стояли рядом.

Стояли, вождедея и дрожа
От сильной страсти, как и сам раджа.

Они вдыхали запах этой розы,
И на глазах у них сверкали слезы.

И впрямь: на розу действовала чара —
От Наля колдунов не отличала,

И всем поочередно улыбалась,
И, словно ртуть, душою колебалась:

«Как вырваться из замкнутого круга,
Узнать среди врагов коварных — друга?»

Как сила колдовства меня страшит!
Неужто счастья рок меня лишит?

Свихнусь я, от любви изнемогая.
Не покидай меня, судьба благая!

О, сколько Налей! Все они похожи.
От чар освободи меня, о боже!»

И с неба луч сверкнул необычайный,
И вмиг завеса поднялась над тайной,

И голос был: «Чтоб отличить от смертных
Бессмертного — вот три черты приметных:

Бессмертный не моргает никогда,
Не оставляет на земле следа.

И третий верный знак для наблюдений:
Бессмертный не отбрасывает тени.

Из трех любая — верная примета,
Чтоб Наля отличить, — запомни это».

Божественное получив знаменье,
Даман немедля обострила зренья.

И к Налю подошла с улыбкой вскоре,
Повергнув остальных в пучину горя.

В руках она — обычай был таков —
Несла гирлянду из живых цветов.

Даман, к радже приблизясь, для начала
Его гирляндой этой увенчала.

Меджнун, во всем его великолепии,
Был скован этой розовою цепью.

Пьян без вина владыка был великий
От аромата роз и розоликой.

Да и Даман едва держали ноги...
Направились они в ее чертоги.

Уселись там, как солнце и луна.
У каждого душа была полна.

Они сидели долго, руки в руки,
Дивились окончанию разлуки.

Две царственные розы, без испуга
Они глядели нежно друг на друга.

Как деспот, страсть единовластна наша:
Она — и кравчий, и вино, и чаша.

Но в этот час любви, еще невинной,
Нельзя было обидеть чаши винной.

Они пьянели от вина любви,
Которое текло у них в крови.

Воспитанность с любовью не ужилась,
И голова у скромности кружилась.

Рассудок не терял верховной власти,
Пока не порвалась узда у страсти.

И страстно обнялись порой ночью
Прекрасная звезда Нахид с луною.

Бутоны прильнули к бутону без опаски,
И поцелуи начались, и ласки...

Они, как молодые деревья,
Сплелись, желая слиться до конца.

И Наль, пылая, сдержанность оставил,
И ключ в замок сокровищницы вставил...

И отыскал сокрытый райской кущей
Родник живой воды, фонтаном бьющий.

И стала капля в раковине — новой
Сияющей жемчужины основой.

В конце концов ладья коснулась берега,
И караван добрался до ночлега.

Так нежились они, забывши мир,
А в городе меж тем шел славный пир.

Звучали песни при огнях зажженных,
Гремели тосты в честь молодоженов.

Когда ж лучи рассвета заблистали,
Молодожены с ложа неги встали.

Собрал их в путь родитель деловитый,
И выступили в тот же день, со свитой.

А в царстве Наля — снова пир горою!
Цвели, как сад весеннею порою,

Наль и Даман: днем — веселее всех,
А ночь — предназначалась для утех.

Казалась их любовь подобной чуду.
Молва о них распространилась всюду.

НАЛЬ ВПАДАЕТ В ТОСКУ
И ПРОИГРЫВАЕТ
БРАТУ
БОГАТСТВО И ЦАРСТВО

Небес вращенье не имеет оси —
Цветущую весну сменяет осень.

Вино любви пьянит нас лишь однажды,
А после — головная боль и жажда.

То жемчуг дарит рок — то мечет кости,
Нальет вина — и выплеснет со злости.

Вдруг вознесет тебя, но — берегись! —
С таких высот легко свалиться вниз.

Знай: хитроумен рок — игрок фатальный.
Старайся не входить в сей дом игральный.

Умом постигни рока ухищренья —
Удач и неудач круговращенье.

Судьба — игрок, вслепую кости мечет:
То счастье — то беда, то чет — то нечет.

Твоя удача небесам мешает —
Все кости вмиг судьба перемешает.

Вот Наль — удачи баловень большой.
Он в теле счастья был самой душой.

Забыв о том, что счастье быстротечно,
Он в шахматы любви играл беспечно.

Но вспыхнула звезда, упала искра,
Гумно его судьбы стгорело быстро.

Рок обошелся с баловнем жестоко —
Втянул в игру без правил и без срока.

И черное свое закончил дело:
Безумие счастливецом овладело.

Безумья мрак раджу во прах поверг,
Светильник его разума померк.

Любовь всегда с безумием граничит —
Кто скажет так, тот не преувеличит.

Как силой колдовства вращают чашу,—
Так голову желанье кружит нашу.

Сиянья ореол исчез бесследно.
Казался Наль своею тенью бледной.

В его вино колдун подсыпал соли,
Лишился он и разума и воли.

Стал тусклым ум, который так блистал,
И нрав, когда-то мягкий,— диким стал.

Над вешней розой черный дым клубился,
Бокал царя несчастного дымился.

Придворные, заметив измененья
В царе,— искали средств для исцеленья.

Не смысла ничего в недуге этом,
Поили Наля сладостным шербетом.

Но, потеряв покой, властитель царства
Отверг шербет и прочие лекарства.

Любовь дорогу перешла ему
И поражение нанесла уму.

Придворные, между собою споря,
Гадали: как спасти раджу от горя?

В чертоги счастья тень несчастья вторглась,
Десница бедствий над дворцом простерлась.

Был, между прочим, брат у Наля младший —
Игрок азартный, бессердечный, падший.

Явился во дворец он и с поклоном
Так начал речь, склонившись перед тронном:

«О роза, украшающая сад,
О мой счастливый, драгоценный брат!

Зачем сидишь один, с тоской на лике?
К лицу ли одиночество владыке?

Любовь в твоей печали виновата,
О светоч глаз отца, послушай брата!

Зачем сидеть в углу ночной порою?
Вели устроить лучше пир горою.

Разгладь на лбу своем печали складки,
Пусть все воссядут в шахматном порядке.

А коль не видишь радости в пиру —
Направь свое вниманье на игру.

Играй на что угодно, брат мой, смело,—
Откроются тебе врата Чергела.

Я знаю (нет у брата тайн от брата):
Твои глаза и сердце любят золото.

Тебе я предан с детства, но не нужен:
Ты с кем угодно, кроме брата, дружен.

Коль проиграешь — это капля в море,
Зато, играя, ты забудешь горе.

Своих доходов тысячную часть
Не грех истратить — чтоб в тоску не впасть.

Следи же за игральной доскою —
И ты навек расстанешься с тоскою».

И Наль, в тоске проведенный много суток,
Готовый вовсе потерять рассудок,

К игре склонился. Он хотел, играя,
Взбодрить себя, азарту подвергая.

И так сказал: «О мой напарник верный,
О брат, я рад твоей любви безмерной.

На твой призыв я отвечаю: да!
Ведь мы — птенцы из одного гнезда.

С тобою рядом, за игрой большою,
Забуду грусть, возрадуюсь душою.

Как плечи отягчающую ношу,
Сокровища свои на доску брошу.

Ведь если верной дружбы в мире нету,
Беречь не стоит звонкую монету».

Сказав слова запальчивые эти,
Наль стал играть, забыв про все на свете.

Играл, раскрыв сокровищниц врата,
И много дней игра кипела та.

Наль от души был брату благодарен.
Он был доверчив, брат его — коварен.

Казалось, что судьба весы качала:
Брат много проиграл ему сначала.

Наль посчитал тот выигрыш — знаменьем,
И продолжал играть с великим рвением.

Решил он: нынче благосклонны кости
К нему, как на пиру веселом — гости.

И кости долго выпадали так,
Чтобы в удачу веровал простак.

Не знал, бедняга, как и мы с тобою,
Того, что уготовано судьбою.

Он с каждым днем все больше увлекался,
А брат, на это глядя, усмехался.

Играл раджа открыто и беспечно,
А брат хитрил и плутовал, конечно.

Метал он кости резко, глядя в оба,
В глазах его горела страсть и злоба...

За ставкой ставку братец брал и брал,
И Наль свои богатства проиграл...

Раджа, ударом рока пораженный,
Глядел на доску, как замороженный.

Когда богатство небеса отняли,
Настал черед играть на царство Наля.

И вскоре брат, при помощи коварства,
Раскинув кости, выиграл и царство.

Теперь, читатель, заостри вниманье
И прояви событий пониманье.

Из бедствий Наля извлеки урок.
Подумай: как раджу возвысил рок!

Раджа на троне восседал высоком,
Любимец неба был обласкан роком.

Но рок с любимцем обошелся круто:
Лишил раджу всего в одну минуту.

Звезда его скатилась с небосклона —
Раджа лишился и богатств, и трона.

Свидетели позорного паденья
Судили игрока без снисхожденья.

Безумцу судьи ставили в вину
Пристрастие к азарту и вину.

Пусть даже пред тобой разверзлась бездна —
Послушать мненье мудрецов полезно.

Как будто камнем брошенным, на части
Была разбита эта чаша счастья.

Любовь приходит к нам с безумьем вместе,
Все по пути сметая шквалом бедствий.

Раджа был жертвой — не был виноватым,
Он роком был сражен, обманут братом.

И вот по всей стране пронесся слух,
Что царь, безумьем омрачивший дух,

Оставить должен царскую порфиру
И в рубище одном пойти по миру.

И Наль, гонимый праздною молвою,
Покинул дом с поникшей головою.

Чтоб не слышать упреков, уши ватой
Заткнул несчастный, но не виноватый.

Один, без свиты, в порванной одежде...
И лишь Даман была с ним, как и прежде.

Несчастною судьбою вдаль влеком,
Шагал он по колючкам босиком.

И ноги, что привыкли быть в сафьянах,
Кровоточили, в волдырях и ранах.

Что оставалось нашему герою?
Смеяться над своей судьбою злою.

Еще вчера ходил в одеждах лучших —
Теперь его подол в шипах колючих.

Он шел, и песни о несчастном Нае
Окрестные долины заполняли.

Повествовали без затей они
Про горькие и радостные дни:

«Я прежде пировал в роскошных залах —
Теперь плутаю в этих диких скалах.

Я был в венце, как подобает шахам,—
Теперь моя глава покрыта прахом.

Цветущий сад ласкал мне взор — а ныне
Скитаюсь по безжизненной пустыне.

Нет ничего у нищего скитальца.
Кольцо моей судьбы скользнуло с пальца».

Настал для Наея ряд кромешных дней,
И были эти дни ночей темней.

НАЛЬ
ОХОТИТСЯ В ПУСТЫНЕ ЗА ПТИЦЕЙ,
КОТОРАЯ
УНОСИТ ЕГО РУБАХУ

Что небо нам готовит? Мы не знаем.
Запас его коварств неисчерпаем.

Перед глазами колесо мелькает —
На свет свои подвохи извлекает.

Все то, что неизменным нам казалось,—
Узоры, краски — все перемешалось.

Зачем все так неоднозначно в мире?
Чтоб мы глаза души раскрыли шире.

Любовь, что источила ум, как ржа,
Еще не до конца познал раджа.

Когда его очам любовь явилась,
Решил он, что судьба в него влюбилась.

Давайте развернем печальный свиток,
Распутаем клубок сплетенных ниток.

Давайте поглядим, как дыма клубы
В саду раджи окутывают клумбы.

Несчастий туча разразилась градом.
Рок лицемерно обернулся братом.

Брат вероломный — это тот же рок,
Точь-в-точь как он, коварен и жесток.

Он брата по́ миру пустил. И ныне
Наль стал бродягой, как Меджнун в пустыне.

В пути от жажды изнывал бродяга —
Но только в волдырях осталась влага!

Его цветами пахнущее ложе
Осталось во дворце. И счастье — тоже.

Заимодавец-рок приветлив с нами,
Но явится однажды за долгами.

Начнутся распри злобных духов в нас.
Глядь, ум затмился, и очаг погас.

Ни на крупицу пользы нам от неба.
Печали и страданья — вместо хлеба.

...Так шли они. Вокруг — пески да скалы.
Виднелись иногда вдали шакалы.

Три долгих дня брели они в печали.
Внезапно, дня четвертого в начале,

Как будто в сердце впился шип колючий —
Даман упала на песок горючий.

И Наль подумал: можно все отдать,
Безумным стать — но можно ль так страдать?

Он огляделся. Вдруг неподалеку
Явилась птица ищущему оку.

Как радуга, цветное оперенье
Переливалось — просто загляденье!

От ярких красок птица вся горела
И в беспокойстве головой вертела,

Без устали туда-сюда скакала:
Чего-то с вожделением искала.

Раджа подумал: где еще найду
Я для Даман и для себя еду?

Рубашку быстро снял — и без рубахи
Подкрался незаметно к дивной птахе.

Боясь, чтобы удобный миг не минул,
Как сеть, рубашку на нее накинул.

Но вместе с птицей ввысь, взмахнув подолом,
Взвилась рубаха. Наля остался голым.

Все выше, выше птица возносилась,
Но птичья речь до Наля доносилась:

«О ты, во прах поверженный судьбой,
Какая злоба двигала тобой?»

Подол рассудка упустил ты прежде,
К чему же сокрушаться об одежде?

А я с такого злого птицелова
Семь шкур, а не одну содрать готова!»

С огнем в груди, иссохшими губами,
С тоскою, что не выразить словами,

Подавленный несчастьем и позором,
Наль птицу проводил безумным взором.

Он дальше брел, минуя степь и дол,
И был он, словно ветер в поле, гол.

Лицо от ветра вскоре огрубело,
И волосы покрылись прахом белым.

Наль причитал: «Ужель бродить без срока?
Как угодить безжалостному року?»

Сгорели жизни нежные побег,
Стал ураганом ветер, полный неги.

Судьбы такой — врагу не пожелаю.
Я, как трава иссохшая, пылаю!»

Питался лишь травкою бедный шах,
Едва стоял, несчастный, на ногах.

Даман сказал он: «Видишь, друг мой милый:
Повергнут я во прах небесной силой.

Вот каковы плоды любви великой,
Вот что готовил рок для розоликой.

Вот каково небес предначертанье:
В саду расцвел тюльпан, подобный ране.

Воистину: судьба — шутник веселый.
Не надо на меня глядеть: я голый!

Разбиты счастья моего войска,
Рассеяны они, как горсть песка.

Пески пустынь — мои войска отныне,
Отныне мой престол — песок пустыни.

Отныне я пою о злочюченьях,
Не о весне любви — а о мученьях.

Я думал, что весну любви познал я,
Что все цветы в ее саду сорвал я.

Увы, не знал весны я настоящей,
Лишь запах чуял, издали манящий!»

НАЛЬ И ДАМАН
НАХОДЯТ НА БЕРЕГУ РЕКИ ДВУХ РЫБ,
КОТОРЫЕ ОЖИВАЮТ
ОТ ДЫХАНИЯ ДАМАН

Постичь творенье божье хочешь ты?
Внимательней взглядишь в его черты.

Во всем видна здесь творческая сила,
Любая точка — целое вместила.

Коль истины взыскуешь ты с любовью,
Бровей дугу сочтешь прямою бровью.

А коли занят ты самообманом,
То стройный стан сочтешь согбенным станом.

Но лучше ты небесных тайн не трогай.
Взглянув на них, иди своей дорогой.

Коль хочешь, сладким горькое считай
И лишь себя великим почитай.

Не углубляйся в тайны мирозданья.
Поверь, вертеп не стоит сей вниманья.

Читатель, внемли дальше нашим былям,
А ты, поэт, блистай высоким стилем!

Что выпадет еще скитальцам нашим,
Двум жаждущим, голодным и уставшим?

Развесистое древо той порою
Попалось героине и герою

На их пути тернистом. И они
Уснули сладко в благодистой тени.

Когда ж проснулись и открыли очи —
Жестокий жребий стал еще жесточе:

Они поток увидели бурлящий,
И не мираж — а самый настоящий.

Глазам не веря, вдаль они глядели,
От радости сухие губы пели.

На дерево вскарабкавшись высоко,
Наль всматривался в сторону потока.

И на песке, среди прибрежных глыб,
Заметил трепыхающихся рыб.

К ним устремясь, по мере приближенья
Наль видел, как слабели их движенья.

И Наль сказал: «Как и тебя со мною,
Их выбросило на берег волною.

И без воды, покинуты судьбою,
Они погибли, как и мы с тобою.

Не двигаясь, застыв, словно уснувши,
Они лежат безжизненно на суше.

Исторг их из родной стихии рок.
А в двух шагах — спасительный поток!»

За черной тучей скрылся месяц ясный.
Даман была бессильной и несчастной.

Мучения ей душу истерзали,
Рассудок и терпенье отказали.

И очи, слезы выплавав о Нале,
Иссякнувший родник напоминали.

Да Наль и сам быть перестал собою,
Измученный жестокою судьбою.

Сказал: «Вот так и мы с тобой могли б...
Возьми, Даман, несчастных этих рыб,

Омой в воде, от чешуи очисти,
Слегка поджарь и положи на листья.

А я, пока ты приготовишь пищу,
Спущусь к реке и грязь с себя очищу.

Ты видишь: я в пыли. В потоке быстром
Поплаваю — и снова стану чистым.

Вернусь, как только грязь с себя отмою,
И мы немного поедем с тобою».

Даман, едва лишь Наль ушел к реке,
Склонилась к двум лежащим на песке

Недвижным рыбам,— и ее дыханье
Вернуло мертвым жизни трепыханье.

Должно быть, оказалась столь великой
Живительная сила розоликой.

Почти из рук прекрасной на свободу
Рванулись рыбы — и нырнули в воду.

Подхваченные быстрою рекою,
Ожившие не ведали покою.

Недаром толковали нам всегда:
Всему живому дарит жизнь вода!

А Наля, пока вершилось это дело,
Омыл в реке измученное тело.

Вернувшись, вожделевного обеда
Раджа голодный не нашел и следа.

Подумал он с невольною кручиной,
Что голод милой этому причиной.

Бедняга не потребовал ответа,
А промолчал и сам забыл про это.

Он про усталость позабыл и глад
И даже был случившемуся рад.

И впрямь: чего не сделает влюбленный
Любимой ради, страстью окрыленный?

Даман, однако, чувств его не знала,
Сама ему о рыбах рассказала.

У Наля снова помутился разум,
Он был сражен бесхитростным рассказом

И думал сокрушенно: «Что за диво?
Зачем же небо так несправедливо?»

Еще один удар, одна беда...
Как низко пала ты, моя звезда!

Судьба меня, раскинув сети, ловит.
Посмотрим, что еще мне уготовит».

НАТЬ,
ОБУРЕВАЕМЫЙ БЕЗУМИЕМ,
ПОКИДАЕТ СПЯЩУЮ ДАМАН
ОДНУ В ПУСТЫНЕ

Взгляни, как слепо Небо мечет кости,
Не ведая ни доброты, ни злости!

Раздвинь завесу, разберись в Высоком,
Стань с головы до пяток зрячим оком.

И отнесись, читатель, с удивленьем
К судьбе, к ее изменчивым веленьям.

Да, в книге предначертанных судьбин
Любовь земная — только штрих один.

Но в этой книге, в знаках на бумаге —
Все о любви, все о любовной тяге.

Любовь всегда и всюду побеждает.
Любовь, как злой правитель, принуждает.

И суждено в огне, раздутом страстью,
Сгореть и справедливости, и счастьем.

Безумье угрожает всем влюбленным,
Надеждою на счастье ослепленным.

Когда любовь с безумьем заодно,
Тогда влюбленным горе суждено.

Когда-то Наль смотрел на жизнь глубоко,
Бог дал ему всевидящее око.

Любовь разбила жизнь раджи сначала,
Потом его безумьем увенчала.

Однажды, в час, когда, забыв про ласки,
Влюбленные плетут друг другу сказки,

Наль отослать жену домой решил
И к ней с такою речью обратился:

«Моя подруга верная, Даман!
Все кипарисы посрамил твой стан.

В своем саду не знала ты тревоги,
Тебе лишь розы целовали ноги,

Теперь лишил тебя я жизни прежней.
Как перенести лишения розе нежной?

Я знаю: мне покорна и верна ты,
Но не хочу принять подобной платы.

Свободна ты от верности обету.
Ступай к отцу, а не броди по свету.

В чертогах царских должно быть тебе.
Меня же предоставь моей судьбе.

Поверь: я не хочу тебя обидеть,
Но не могу твоих страданий видеть.

Пусть светлый день тебе ласкает очи,
А мне оставь безрадостные ночи.

Покуда зло твоей судьбою правит,
Мне будто бы гора на сердце давит.

Прошу: не жертвуй жизнью молодой,
Оставь меня наедине с бедою.

Рожденной под счастливою звездой
Не следует бок о бок жить с бедой.

Покинь безумца — он к тебе вернется,
Когда ему фортуна улыбнется.

Нет в мире пытки столь невыносимой,
Как созерцать страдания любимой».

Супруга так ответила супругу:
«О ты, предавший верную подругу!

Верна любви я, как тебе известно,
И отвернуться от меня — нечестно.

Какой бы ни случилось быть судьбе —
Я в спутницы судьбой дана тебе.

Была тебе я верною женою,
Зачем же так обходишься со мною?

Любовь, как и безумье, — наважденье.
Но не беда она, а наслажденье.

А ты, безумец, дурно поступаешь:
Свою любовь без боя уступаешь.

Злой рок, должно быть, дух в тебе ослабил.
Страну любви ты попросту ограбил.

Трезва, хоть и безумна, голова.
Вот ты каков. Но я не такова.

Готов свою ты бросить половину,
Но я тебя в несчастье не покину.

До матери с отцом мне дела нету,
С тобой скитаться буду я по свету.

Оставь свои безумные затеи,
Мысль отослать меня забудь скорее!»

Слова Даман раджу очаровали,
Но строя чувств не изменили в Нале.

И далее пошли они вдвоем,
Но каждый оставался при своем.

Брели они, согласно воле рока,
Который относился к ним жестоко.

И вот примерно через двое суток
У Наля помутился вновь рассудок.

Всю ночь не спал он, скорбный и угрюмый,
Все той же мрачной одержимый думой.

Дела бедняги слишком были плохи:
Всю ночь звучали пламенные вздохи.

Он думал: «Ту, которую люблю,
Я сам своим злосчастьем гублю.

В саду цветущем роза пламенела —
Теперь она от зноя почернела.

Жены моей изнеженные ноги
Разбиты в кровь камнями дороги.

Я более подобных мыслей бремя
Не в силах выносить. Настало время,

Дождался я минуты подходящей:
Даман оставлю безмятежно спящей.

Проснется, погорюет обо мне,
Поплачет — и отправится к родне».

Он встал и удалился, но сначала
Отрезал половину одеяла,

Так со своей подругой ненаглядной
Расстался Наль в пустыне безотрадной.

Ночь между тем уже устала длиться,
И звезды в небе стали прятать лица.

Несчастная Даман от сна очнулась
И в поисках супруга оглянулась.

Но не было супруга, образ чей
Никак не покидал ее очей.

И сердце ей разрезало несчастье,
Как покрывало, на две равных части.

Ища того, кого судьба украла,
Металася, куда не упала.

И много дней потерянного друга
Искала безутешная супруга.

Но не нашла следов его. О Нале
Те, что встречались, ничего не знали.

Так шла она и шла, забыв себя,
О Нале в полный голос вопия:

«О друг, безумья осушивший кубок!
Как мне понять ужасный твой поступок?»

Зачем не разбудил меня, жестокий,
И где теперь ты бродишь одинокий?

Ты приумножил тяжесть рока злого:
Ушел, подруге не сказав ни слова.

Одну оставил под открытым небом
На растерзанье хищникам свирепым.

Не зря, должно быть, мудрость говорит:
«Безумец точно знает, что творит!»

Ты распростился с правилами чести,
Не захотел страдать с женою вместе.

Сама любовь оставлена тобою,
Безумье обесславлено тобою.

И где ж твоя забота или жалость?
Не так меж верных дружба понималась.

Что делать мне теперь? В какие степи
Сбежал безумный друг, разбивши цепи?

Рыдай, душа, неситесь, стоны, вдаль,
Пусть их услышит бессердечный Наль!»

ДАМАН СПАСАЕТСЯ
ОТ КОВАРНОЙ ЗМЕИ
И ДОБИРАЕТСЯ ДО СТОЛЬНОГО ГРАДА
ТЕМНОКОЖЕГО ЦАРЯ

Мудрец, безумья книгу прочитавший,
Продолжит сказ о героине нашей.

О горьком горе, о скитаньях длинных...
Ее рыданья слышались в долинах.

Потоки горьких слез пески полили,
Густые брови вздохи опалили.

Так по пустыне шла она часами
С летящими по ветру волосами.

Как видит вдруг красавица моя,
Что перед ней — огромная змея.

Худа была Даман, пока бродила,
Змея ее легко и проглотила.

Даман попала внутрь, дивясь картинам,
Открывшимся ей в животе змеином.

И впрямь: от взора нашего немало
Земная жизнь всегда чудес скрывала.

И вот царевна в полумгле неясной
Увидела: еще один несчастный!

Он, умирая, слабость поборол,
Змее кинжалом брюхо пропорол.

Даман, как перл, на белый свет явилась,
Над ней и впрямь витала божья милость.

И яд змеи не более угрозы
Для девы представлял, чем запах розы.

Но для ее спасителя — мужчины
Явился яд причиною кончины.

Несчастливая Даман, собравши силы,
Прочь поспешила от его могилы.

По-прежнему была она грустна,
Шагая, горько плакала она.

Даман о жизни сожалела бывшей,
О молодости плакала погибшей

И думала: «Как жребий мой несносен!
Весна, без лета, переходит в осень.

Рок беспощаден, жизнь моя разбита,
Вино в моем бокале ядовито.

Звезда, которой я судьбу вручила,
Не осветила жизнь, а омрачила.

Вот до чего жалка судьба моя:
Когда напала на меня змея,

Я смерть принять была готова смело
И с радостью — но чудом уцелела.

Не суждено мне умереть мгновенно,
Обречена я гибнуть постепенно».

Так, расточая жалобы пустые,
Царевна в дебри забрела густые.

В лес забрела с надеждою напрасной,
Что растерзает тигр ее ужасный.

И вот, желая умереть скорей,
Нашла она в лесу царя зверей.

Но тигр убрал свой смертоносный коготь
И, оробев, не стал царевну трогать.

И тигр ей не помог... В глубоком горе
Даман пошла своей дорогой вскорее.

Груз скорби на плечах она носила,
У неба скорой гибели просила:

«О небо злое, побыстрей возвращайся!
Срок моей жалкой жизни, сокращайся!

О смерть, где ты, проклятая? Ответь!
Быстрей прикончи птицу жизни, смерть!

О жизнь моя пустая, если в силах,
Отдай на смерть остаток дней унылых!

О сердце, изможденное любовью,
Пади на землю, истекая кровью!

Я много лет твое терпела бремя,
Расстаться нам с тобой настало время.

Ведь если бы не предсказанье старца,
Я не жила б на свете, может статься.

От этой жизни у меня в руках
Остался только скорбных вздохов прах.

Меня объял огонь, как кровлю дома,—
Бессильна против пламени солома».

И долго шла Даман, и уставала,
И падала без сил, и вновь вставала.

И, наконец, она к реке явилась,
Из глаз ее ручьями кровь струилась.

На берегу реки царица села
И, сидя там, печально песнь запела.

Как вдруг издалека, из-за бугра,
К Даман явились вестники добра.

Вброд реку перешли, не беспокоясь:
Водоворот судьбы им был по пояс.

Походкой шли стремительной и смелой,
Без страха утонуть, в одежде белой.

Увидели Даман, на берег выйдя,
И прорицали так, ее увидя:

«Переменится рока ветер черный,
И скоро хлынет ливень животворный.

Надежды не теряй, Даман, в пути:
Найдешь того, кого должна найти.

Платить по счету злой судьбе придется,
В иссякнувший ручей вода вернется.

Возьмешь с вином веселым чашу в руки
И выпьешь с другом за конец разлуки.

Светильник рока разгорится пылко,
Не будет больше меркнуть, как коптилка.

Судьба как туча: вперемежку мечет
То молнию — то дождь, то чет — то нечет.

Покуда пальцы в кровь не издерешь
Об струны тара — песни не споешь.

Твой узелок развяжется, царевна,
И улыбнется рок, глядевший гневно».

Когда Даман услышала известье,
Вещателей уж не было на месте.

Как будто пузыри на водной глади,
Исчезли. Нет ни спереди, ни сзади.

Даман в недоуменье озиралась:
«Что это? Правда? Или показалось?»

Ужель я наяву внимала им?
Что сделалось со зрением моим?

И, пребывая в страхе и надежде,
Даман брела дорогой, как и прежде.

И к свыше предначертанному сроку
Пришла она к великому потоку.

Глядь: на берегах — войска в несметной силе.
«Рать черного царя», — ей объяснили.

Даман поток пересекла, как ветер,
Но предводитель войск ее заметил.

Поскольку красоты такого рода
Еще не создавал творец природы,

Он понял: через реку перешла
Девушка не из общего числа.

Ее спросили: «Кто ты и откуда?
Сошла с небес или земное чудо?»

Свое нам имя назови и званье,
А также — каково твое желанье».

Даман им все, конечно, рассказала
О бедах и скитаньях — все, что знала.

Сказал на это предводитель войск
(Он добрым был, помимо прочих свойств):

«Зерцало страсти, жемчуг несравненный,
Звезда из самых ярких во вселенной,

Хочу я оказать тебе подмогу,
Хочу я осветить твою дорогу.

Мой повелитель — падишах могучий,
По мудрости и славе — в мире лучший.

Он самый справедливый на планете,
И доброты подобной нет на свете.

Ему под стать красавица жена,
Умна и добродетельна она.

Зачем дружить с зверьми в пустыне дикой?
Великая должна идти к великой.

Спеши туда. Наш царь тебя приветит
И тысячью свечей твой путь осветит.

Захочешь — при себе тебя оставит,
Захочешь — и на родину доставит».

Даман от слов заслуженного вóйна
Не стала весела — но лишь спокойна.

Всю ночь вздыхала горестно она:
Для скорбных сердцем — ночь всегда темна.

Настало утро. В путь к своей столице
Повел полки воитель темнолицый.

Всецело положась на слово чести,
Отправилась Даман с войсками вместе.

Через дремучий лес вела дорога,
Слонов там диких было очень много.

И вот, в конце дневного перехода,
На чащу ночь упала с небосвода.

Людей почуяв, дикие слоны
На них напали, ярости полны.

Начальник войск с передовою частью
Успели на опушку выйти, к счастью,

А остальные заплутались в кущах.
Рассерженные запахом бегущих,

Слоны, окрестность ревом оглашая,
Пустились вслед, деревья сокрушая.

На мечущихся воинов напали
И всех их, без разбору, растоптали.

Оцепенев от страху, как во сне,
Даман одна стояла в стороне.

С ней не было приставленной охраны,
А были только мудрые брахманы,

Постигшие судеб метаморфозы.
Даман, вздыхая, источала слезы.

Они пошли, стараясь удалиться
Из леса. Наконец, пришли в столицу.

И там однажды, в утреннюю пору,
Даман предстала царственному взору.

Царь темнокожий был большой мудрец
И пригласил царевну во дворец.

Он понял: этот стебель благородный
Лишен воды в пустыне был бесплодной.

Он попросил назвать свой род и имя
И поделиться бедами своими.

Поведала царевна, что с ней случилось,
Как шла сюда и как в живых осталась.

Царь обратился к ней: «О глаз услада!
О лучшая из роз земного сада!

Судьба тебя вела и наконец
Счастливо привела ко мне в дворец.

Твоей красе цены, я знаю, нету.
Не следует тебе бродить по свету.

Вот дочь моя, единственная тоже,
Будь вместе с ней — ты на нее похожа.

С ней вместе сколько хочешь оставайся,
Забыть свои страданья постарайся.

А я пошлю гонцов во все пределы
Искать того, о ком ты так скорбела.

На нежных ножках, что ни говори,
Бывают от скитаний волдыри.

Так пусть мои гонцы повсюду рыщут,
Твою пропажу дорогу ищут».

Так с плеч царевны снял владыка бремя.
Сто слуг служили ей в любое время,

Оказывали почести вельможи,
Царица к ней благоволила тоже.

НАЛЯ ЖАЛИТ ЧЕРНЫЙ ЗМЕЙ,
И НАЛЬ ЧЕРНЕЕТ
ОТ ЕГО
УКУСА

Легенд сказитель, помня их в избытке,
Так нанизал слова — как жемчуг в нитке.

Когда, жену оставив спящей, Наль,
Гоним безумьем, устремился вдаль,

Когда его рассудок помрачился —
Он долго по пустыне волочился.

Известно ведь издревле и поныне:
Безумие всегда влечет к пустыне.

Назад не глядя, не в своем рассудке,
Наль песню скорби пел. Так шел он сутки.

Разбитый весь, как жизнь его младая,
Он шел и, наконец, упал, рыдая.

Раскаиваясь в том, что натворил,
Так про себя несчастный говорил:

«Кто вырвет сердце, что в груди иссохло?
Кто вырвет мозг, в котором мысль заглохла?»

Разжалобят кого мои рыданья?
Кто испытал подобные страданья?

Безумен я. Как излечиться мне бы?
Как вернуть мне благосклонность неба?

Кто жизнь мою разбил единым махом?
Кто голову мою посыпал прахом?

В том, что скатилась вниз звезда моя,
Я сам повинен. Но один ли я?

Когда бы небо было благосклонней —
Она взошла бы вновь на небосклоне».

Рассвет открыл лицо. Слепя лучами,
Звезда Нахид явилась пред очами.

Другие звезды погасила смело,
И ночь воспламенилась — и сгорела.

С холма, где ночевал раджа, по круче
Спустился он, подобный мрачной туче.

Безумец бился об землю головой,
И далеко был слышен скорбный вой.

Как вдруг вдали увидел он долину,
Объятую огнем наполовину.

Он кинулся туда, судьбой движимый,—
К огню всегда стремится одержимый.

Вдруг пламя на две части расколосось,
И в глубине огня раздался голос:

«О добрый Наль, не жди, явись мгновенно,
Спаси меня из огненного плена!»

Услышав этот пламенный призыв,
Наль бросился в огонь, себя забыв,

И посреди огня увидел змея.
В кольцо свернувшись, двинуться не смея,

Лежал тот змей в дыму непроходимом
И сам, как дыма клуб, казался дымом.

Взмолился змей, чтоб вызвать жалость в Нале:
«Дни моей жизни, видно, миновали!»

Был мной вчера брахман ужален старый —
Как видно, я теперь настигнут карой.

Скончался он, в конце меня предав
Проклятию. И был, конечно, прав.

Если в тебе не пробудится жалость —
Недолго мне на свете жить осталось.

Должно быть, мне, по милости господней,
Сгореть придется в этой преисподней.

Коль ты поможешь мне в беде суровой —
Воистину одаришь жизнью новой.

А если не проявишь доброй воли —
И пепла моего не сыщешь в поле».

Наль был готов несчастному помочь,
Вошел в огонь, чтоб змея вынести прочь.

«Ты сущий великан! — сказал он змею.—
Тебя поднять я даже не сумею».

Змей в тот же миг в размерах сократился
И на ладонях Наля уместился.

Раджа исполнил змиево желанье —
Из ада вынес адское созданье.

Из пламени случайно спасший шкуру,
Змей проявил змеиную натуру,

Сказал: «Неси меня — и опусти
На землю, сосчитав до десяти».

Спаситель змея, простота святая,
Понес его, до десяти считая.

(Чем печься о чужом благополучье,
Подумал бы про собственное лучше!)

Значенья слова не умея взвесить,
Ужален был раджа, сказавший «десять»,

Что значит «укуси!» на неизвестном
Несчастному радже наречье местном!

Ужаленный был крайне удивлен.
Лишь об одном значенье ведал он.

Не думал он, что есть еще второе
Значение у слова — роковое.

В отчаянье увидел он, что тело
От головы до пяток почернело.

Наль стал черней своей судьбы коварной.
Отполз в сторонку змей неблагодарный.

И молвил Наль: «От этой твари злобной
Не ждал я благодарности подобной.

Ты, змей, усугубил мою беду:
В ответ на дружбу проявил вражду.

Я спас тебя из огненного круга,
А ты в огонь страданья бросил друга».

Гремучий змей на сетованья эти
Такую речь держал в своем ответе:

«О юноша! Не прибегай к злословью.
Я за любовь всегда плачу любовью.

Спаситель мой испуган черным цветом?
Не надо горевать — нет смысла в этом.

Считается, что черные — дурны?
Но и твои глаза, увы, черны.

Цвет тела не считай, раджа, зазорным,
Старайся, чтоб не стало сердце черным.

Возрадуйся! Дни бедствий пролетели.
«Вода живая» нынче в черном теле.

Я сделал так по указанью свыше.
Поэтому прошу: ругайся тише.

Предписаны поступки разным тварям:
Комар назойлив, ну а змей — коварен.

И все, что в этом мире ты встречал,
Исходит из таинственных начал.

Украшен — пусть раджа не забывает —
Лик белый черной родинкой бывает.

В ней, в черноте, — глубокий смысл творенья.
Она — предмет, достойный размышленья.

Река судьбы враждебна человеку.
Твой черный цвет направит в русло реку.

Известны мне, раджа, твои мученья:
Ты силишься идти против теченья.

А твой бесчестный и коварный брат
Тебя увидеть мертвым был бы рад.

Беспечен ты, а недруги — в засаде.
Готовится удар кинжалом сзади.

По всем дорогам люди брата рыщут,
Наемные убийцы Наля ищут.

Бойтся братец твой лишиться трона,
Добытого без чести, без закона.

И я нарочно черным сделал Наля,
Чтобы его убийцы не узнали.

Когда опять взойдет твоя звезда,
Когда судьба изменится, тогда

Ты, неизвестный странник, черный телом,
В одно мгновение снова станешь белым.

Запомни: почернел ты не от яда,
А оттого — что опасаться надо.

Надежды луч храни в душе глубоко
И ожидай назначенного срока.

Ты выйдешь из-под черного покрова.
Как небожитель, белым станешь снова.

И знай еще: имеет черный цвет
Два качества, каких у прочих нет:

Ты победишь врагов в боях и в играх,
В лесу испепелишь дыханьем тигров.

Еще запомни: путь твой будет сложным,
И будь, о Наль, предельно осторожным.

Не обнаружь себя случайным знаком,
Ходи не по прямой, зовись Бахаком.

Змеиного закон постигни царства:
Основа в нем — обман, уток — коварство.

Вот платье ежегодное мое —
Пустая кожа. Можешь взять ее.

Мой дар тебе — тройная тайна эта:
Замена кожи, имени и цвета.

Забудь на время царское величье
И в город свой вернись в таком обличье.

Одежду скинь — на что она похожа?
Тебе ее заменит эта кожа.

Ступай, меня в молитвах поминая,
С сосуда тайны крышки не снимая.

По бурным волнам рока, против волн,
Стремись в столицу княжества Ратборн.

Там ты найдешь от горестей спасенье
И обретешь души успокоенье».

И черный Наль, безумец простодушный,
Пошел в Ратборн, велению послушный.

Гонимый роком и приказом змея,
Он шел вперед, ослушаться не смея.

Он через горы, доли шел упорно
И, наконец, добрался до Ратборна.

Царь здешний был правитель неплохой.
Закон гостеприимства был такой:

Осматривали всех, входивших в город,—
Красив иль безобразен? Стар иль молод?

И, внешности закончив изученье,
Владыке доносили впечатленье.

Так донесли придворные о Нале
И все его приметы описали.

Царь молвил: «Этот муж — из благородных,
Увял он от ветров судьбы холодных».

Решил узнать о Налевой судьбе
И тут же пригласил его к себе.

«Кто ты? — спросил.— Зачем расстался
с домом?
Нездешний ты — но кажешься знакомым.

Я вижу, что пришел из дальних стран ты...
Но перечисли мне свои таланты».

Раджа несчастный, ставший чернокожим,
Казался всем на чучело похожим.

Сказал он: «Я — Бахақ, скиталец нищий,
Давно мне только воздух служит пищей.

Но я знаток коней в своей стране,
И живописцев равных нету мне.

Но это лишь талантов половина.
Я различу на вкус любые вина,

И в тонких яствах толк я разумею.
И кое-что еще, поверь, умею».

Царь слушал про достоинства скитальца
И важно загибал, для счета, пальцы.

Поверил он радже, но тем не мене
Проверить захотел его умения.

Наль был готов и целых два часа
Показывал владыке чудеса.

Казался царь совсем обвороженным
И тут же сделал Наль приближенным.

Днем развлекался Наль вдвоем с владыкой,
А ночью песни пел в тоске великой.

Спросил его властитель удивленный:
«О муж правдивый, скорбью уязвленный,

Скажи: зачем ты по ночам рыдаешь?
Зачем вздыхаешь так? О чем страдаешь?

Открой свою печаль передо мной,
Я буду врач твоей души больной.

Из сердца окровавленного рвется
Твоя ночная песнь, а не поется.

Ты днем — один, совсем другой — ночами,
И песнь твоя полна огнем печали.

Открой же душу искреннему другу.
Быть может, я смогу помочь недугу».

Царь помолчал, считая неудобной
Свою догадку о тоске любовной.

«А если плач твой от любовных мук,—
Закончил царь,— молчи об этом, друг».

Наль, будто не расслышал, притворился,
И истины замок не отворился.

Сказал: «О царь, твое вниманье лестно,
Но это все, поверь, не интересно.

Давно когда-то, в странах отдаленных,
Знавал я двух счастливейших влюбленных,

Их счастье и любовь, скажу я сразу,
В словах не поддаются пересказу.

Безумец тот потом в чужом краю
Подругу ненаглядную свою

Однажды утром спящую оставил:
Гоним безумьем, прочь свой путь направил.

С безумным этим и несчастным мужем
В былое время был я очень дружен.

И стоит мне себе представить ныне,
Как он, безумный, бродит по пустыне —

Я не могу, увы, сдержать рыданий.
Вот в чем причина всех моих страданий».

Не надо сердце открывать свое.
Сокрыв печаль — спасешься от нее.

ОТЕЦ ДАМАН УЗНАЕТ
О ЕЕ НЕСЧАСТЬЯХ
И ОТПРАВЛЯЕТ НА ЕЕ ПОИСКИ
БРАХМАНОВ

Молва о тяжких бедствиях влюбленных
Краев достигла самых отдаленных.

Когда сей слух отца Даман коснулся,
Отец несчастной девы ужаснулся.

Он в беспросветной пребывал печали
И даже кисти рук кусал вначале.

И думал так: «Великая кручина!
Безумная любовь — беды причина.

Но где же ты, души моей оплот?
Где сада моего заветный плод?

Мой сад благоухал и цвел счастливо.
Зачем ты, небо, так несправедливо?

Зачем ты ныне губишь неуклонно
Цветы, к которым было благосклонно?

Едва лишь подросла моя отрада —
Как вдруг была похищена из сада...»

Стал думать царь, воображенье тужа:
Как выручить скитальцев — дочь и мужа?

Призвал к себе брахманов на совет,
Принцессу знавших с самых ранних лет.

И вскоре из дворца в чужие страны
На поиски отправились брахманы.

В путь собрались они без промедленья,
Искать принцессу — в грады и в селенья.

Один из тех мужей, посланцев божьих,
Явился в государство темнокожих.

Сей праведник — а звался он Седивом,—
Видать, был наиболее счастливым.

Проделав долгий путь, брахман был рад
Увидеть тот счастливый царский град.

Измученный дорогою суровой,
Сел отдохнуть брахман в тени дворцовой.

Рассматривая всех, кого б ни встретил,
Он вдруг толпу людей вдали заметил.

Брахман смешался с человечесьей гущей,
Как будто голос услышал зовущий.

В толпе узрел он нескольких ученых,
В старинную премудрость посвященных.

Древнейшей в мире мудрости столпы
Читали веды посреди толпы.

Седив скользил по лицам взглядом скорым,
Как вдруг Даман предстала перед взором.

Принцесса на земле одна сидела
И с горькою тоскою вдаль глядела.

И строки вед, что сладостно звучали,
Рассеять не могли ее печали.

Была она с единственной служанкой,
Склонившейся над бедной чужестранкой.

Как в темноте алмаз — была Даман.
Немедленно ее узнал брахман.

Но и она заметила брахмана,
И сердце девы взволновалось странно.

«Седив! — посланцу молвила седому.—
Какую весть ты мне принес из дому?»

Давно ли ты из-под родимой кровли?
Здоровы ль мать с отцом, и брат — здоров ли?»

Седив ответил: «Тягостна разлука.
Им ведома твоя и Наля мука.

Землепроходцев сотни, как и я,
Разсланы в далекие края.

А я, преодолев препятствий много,
Нашел тебя, благодаренье богу!»

Даман, придя в волнение, рассказала
О том, как много дней она страдала.

И, повествуя о своем спасенье,
Она рыдала, словно дождь осенний.

Меж тем как слезы продолжали литься,
Служанка быстро во дворец к царице

Пошла и изложила ей сполна,
Что видела и слышала она.

К себе Даман царица пригласила
И, прослезившись, у нее спросила:

«Дитя мое, ты вся объята жаром,
Как терпкое вино в сосуде старом.

Звезда Нахид, ты ослепляешь светом.
Но как ты оказалась в мире этом?

В короне царской ты — ценнее лала.
Но почему же наземь ты упала?

Отчисти скорби ржавчину с лица,
Открой мне тайну сердца до конца».

Ответила Даман: «Прости, царица!
Позволь ни с кем мне горем не делиться.

Какой там лал, какой там камень ценный!
Я — прах ничтожный, я — листочек тленный».

Кто я такая? Каковы причины
Моей неутрахающей кручины?

Но можно ли поведать в разговоре
Про душу разъедающее горе?»

Добра была царица и умна,
Решила правду разузнать она.

Она учтиво призвала Седива
И стала говорить красноречиво:

«Правдивый человек, ты здесь недаром.
Сказать мне правду поклянись зуннаром.

Даман близка мне — ближе в мире нету.
О бедах, о скитаниях по свету

Я от самой царевны много знаю,
А ныне знать подробности желаю.

Так будь же, о мудрейший мой Седив,
В своем рассказе до конца правдив».

Брахман, склонивши голову послушно,
Все рассказал царице простодушно:

Про царское Даман происхождение,
И про ее чудесное рождение,

И о любви великой, и о Нале,
О проигрыше царства и так дале.

Все рассказал Седив о той, к которой
Он так спешил через леса и горы.

Царица сострадательна была
И волю состраданию дала.

«Прости меня, Даман,— она сказала,—
Что я тебя при встрече не узнала.

Ты с первой встречи мне была приятна,
Теперь моя любовь к тебе понятна».

Даман, забыв несчастья и тревоги,
Упала благодетельнице в ноги.

Они обнялись с полными слезами
Блестящими нарциссами-глазами.

Дав гостье от волнений отдохнуть,
Царица собрала принцессу в путь.

Окончилась дорога, как ни длилась.
К родителям своим Даман явилась —

Воскресли мать с отцом. В родном Бидаре
На следующий день был пир в разгаре.

Печальна на пиру Даман сидела,
В тоске по Налю не пила, не ела...

Царь, празднуя принцессы возвращенье,
Устроил для народа угощенье.

Звучали песни в городе и смех,
Царь счастлив был — и осчастливил всех.

Но тот, кто поражен любовной страстью,
Бесчувственен к родительскому счастью...

СТРАДАНИЯ ДАМАН
ВЫНУЖДАЮТ БРАХМАНОВ
ОТПРАВИТЬСЯ
И НА ПОИСКИ РАДЖИ

Любовь — тайфун, несчастье приносящий.
Любовь — поток, рассудок уносящий.

И нет для пораженных этим ядом
Различья меж пустынею и садом.

То кажется пустыней сад цветущий,
То кажется пустыня райской кущей.

Итак, Даман вернулась в отчий дом,
Страданья ж не закончились на том.

Отец ее надеялся, что вскоре
Забудет дочка о беде и горе.

Но и дворец, и сад, и все в округе
Напоминали бедной о супруге.

Даман вздыхала, плакала, стонала,
Несчастливого скитальца вспоминала.

«Опять меня ты, небо, огорчаешь,
Опять мне дни печалью омрачаешь!»

Пустыня мне милей теперь, чем сад,
И кажется чужбиной отчий град.

Была я птицей в клетке золоченой,
Но рядом был мой милый, нареченный.

По воле рока с другом я рассталась
И в клетке золотой одна осталась».

Кормилицу царица пригласила,
Обняв ее, о помощи просила:

«О друг мой верный! И зимой и летом,
Всегда была при мне ты в доме этом.

Ты обо мне заботилась, любя,
За все, за все благодарю тебя!

Прошу тебя: единственному другу,
Как мать родная, окажи услугу.

Ты видишь: я стораю от печали,
Я горько плачу, я не сплю ночами,

Ты к просьбе этой отнесись сердечно —
Тебе я благодарна буду вечно.

Чтоб горести меня не доконали,
Молю: узнай мне что-нибудь о Нале!

Ведь есть предел терпенья у сердец.
Боюсь, что скоро мне придет конец».

Кормилица от страха задрожала,
Докладывать царице побежала.

Погоревав с кормилицею вместе,
Пошла к царю царица с этой вестью.

А царь тотчас подумал о брахманах,
Даман искавших в отдаленных странах.

Велел, чтобы они теперь узнали
В краях далеких о скитальце Нале.

О муже несчастливом, чья звезда,
Казалось, закатилась навсегда.

Велел им в каждом городе столичном
Раджи приметы оглашать публично.

И если кто откликнется на это —
Идти по следу хоть до края света.

Царю брахманы поклонились в пояс
И тотчас же отправились на поиск.

Из края в край посланцы поспешали,
Везде раджи приметы оглашали.

Молчали им внимавшие мужи:
Никто, как видно, не встречал раджи.

Но вот Парнад, умнейший из брахманов,
Разоблачитель колдовских обманов,

День изо дня стремясь вперед упорно,
Добрался и до города Ратборна.

Вокруг себя смотрел он острым взором,
Прислушивался чутко к разговорам.

Днем он бродил по улицам, а в храме
Бывал обыкновенно вечерами.

И вот однажды речь держал брахман
Перед толпой ратборнских горожан.

Примет перечисляя длинный список,
Он вглядывался в лица тех, кто близок.

Среди толпы был Наль. Почти что рядом
Несчастный наш герой стоял с Парнадом.

И понял, что о нем брахмана речи,
И подивился этой странной встрече.

Он встретился с Парнадом взглядом. Сами
Глаза его наполнились слезами:

Кто этот тайну знающий мудрец?
Кто хочет приоткрыть ее ларец?

Парнад, как ни впивался острым оком:
Наль это или нет? — решить не мог он.

«Похож на Наля,— думал муж ученый.—
Но белым был раджа, а этот — черный».

И все же тот ему раджу напомнил.
Он к незнакомцу подошел и молвил:

«О гиацинт, заметный меж другими!
Скажи мне: кто ты? Назови мне имя.

Я вижу на глазах твоих слезу,
И сам ты черен, как зрачок в глазу.

Твой аромат мне кажется знакомым.
Какой цветник был гиацинту домом?»

«О чужестранец,— Наль ответил черный,—
Я здешнего властителя придворный.

Толк в лошадях я знаю быстроногих.
В искусстве этом превзошел я многих.

И в живописи тайны неизвестной
Нет для меня, по милости небесной.

Талантов разных, волею богов,
Отпущено мне щедро. Я таков.

Но видишь сам, что искажен жестоко
Портрет мой кистью живописца-рока.

Страданий чаша мной до дна испита.
Меня Бахаком называет свита.

В сиянье шахской славы неуместен
Твой интерес к страдальцу. Я безвестен.

На пиршество к царю сходи сегодня:
Таких, как я, там наберется сотня.

В речах твоих, в любом из слов — намек.
Но мне в них разбираться невдомек.

Я — друг без дружбы, с горем неразлучный.
Я — роза без вина, я — тар беззвучный.

Я знаю: гибель — лучшее лекарство
От горя, от разлуки, от мытарства».

Вот так, полна намеков и тумана,
Текла беседа Наля и брахмана.

Сомнений у Парнада не осталось:
Да, это Наль — ему не показалось!

И вновь, пройдя через десяток стран,
Перед отцом Даман предстал брахман.

Он описал и вид раджи, и речи
И засветил в сердцах надежды свечи.

Даман терзалась мыслями такими:
«Что значит этот цвет и это имя?»

Все это — тайна, с самого начала,
Во всем заметна колдовская чара».

Постижь умом не в силах это диво,
Она призвала верного Седива

И так ему сказала: «О мудрец,
О врачеватель раненых сердец!

Тебе подобных не сыскать мне близко.
Никто так не искусен в деле сыска.

Во прахе прозябала я, но — чудо! —
Меня нашел ты и извлек оттуда.

Спасенная, несчастна я, как прежде,
Даю то страху волю, то надежде.

Слаба я женской слабостью своею,
Но муж мой, Наль,— стократ меня слабее.

Ступай же, волю выполни мою:
Не оставляй его в чужом краю.

Не оставляй меня в объятьях страха,
Клад драгоценный извлеки из праха.

Спешу, мой друг, вперед стремись упорно
И доберись до города Ратборна.

В тот город незамеченным войди ты
И познакомься с кем-нибудь из свиты.

Шепни на ухо местному владыке,
Что, мол, из всех владык лишь он — великий.

И что Даман, сравнивая с луной,
Дает согласие стать его женой.

А ты, гонец, принесший эти вести,
Советуешь ему спешить к невесте.

Осталось, мол, всего два дня до свадьбы.
Спешу, великий шах. Не опоздать бы!»

Ей брахман возразил: «В подобном деле
Нужна ли ложь для достижения цели?»

Ты, вместо обещанья стать женою,
Придумай лучше что-нибудь иное».

«Таков уж мир,— ответила Даман.—
Соблазн им управляет и обман.

План хитроумный для того лишь нужен,
Чтоб встретиться смогла я с милым мужем.

Я думаю, что муж мой заколдован,
В Ратборне он живет в обличье новом.

При помощи такого испытанья
Мы знания добудем из незнанья.

И если это Наль — то он, как птица,
В Бидар незамедлительно примчится.

А ежели окажется не так,
То я душою погружусь во мрак».

Седив немедля помолился богу
И в дальнюю отправился дорогу.

Он песни пел, и шел вперед упорно,
И наконец добрался до Ратборна.

Там отыскал людей из свиты шаха
И перед ними выступил как сваха.

Он кратко изложил им сущность дела,
Все слово в слово, как Даман велела.

Ратборнский шах, услышав эту весть,
Упал без чувств, не в силах счастья снести.

В Бидар, к Даман, уже душой летел он,
У ветра скорость одолжить хотел он.

Он пригласил к себе безумца Наля —
Его как мудреца в Ратборне знали —

И так сказал: «Мудрец необычайный,
Смысл бытия тебе открылся тайный.

В тебе есть небожителей приметы,
Тебе открыты волшебства секреты.

Ты говорил, что можешь мне помочь.
Исполни обещание точь-в-точь.

Невеста ждет меня в далеком месте.
Назначен срок, но долог путь к невесте.

Ты сделай так, чтоб колдовская чара
Меня домчала мигом до Бидара:

Без волшебства я свадьбу не приближу,
Красавицу Даман я не увижу».

Наль побледнел при этом разговоре,
Душа его вскипела, словно море.

Надежду сохранявший до сих пор,
Он собственный услышал приговор.

И возмутился: «Не конец ли света?
Какой волшебник злой придумал это?»

Весть о жене, на новый брак готовой,
Супругу возвестил избранник новый!

И я же должен проявлять терпенье
И помогать им? Что за наважденье?»

Над Налем словно небо расколосось.
Терпенье стало тонким, точно волос.

Еще печальней стал печальный Наль,
Безумца переполнила печаль.

«О, горе мне! Опять десница рока
Играет мною, и притом жестоко.

Вновь злобный рок вернулся к шуткам старым:
Удар наносит в сердце за ударом.

Боюсь, разлука слишком долго длилась —
Из сердца милой верность испарилась.

И мужа позабывшая супруга
Решила подыскать другого друга.

Но нет, я слишком далеко зашел,
В храм черных подозрений я вошел.

Любовь и верность — вот две половины,
Замешанных в составе этой глины.

А если это хитрая уловка —
Сеть для меня, закинутая ловко?»

И Налъ сказал царю: «В подобном деле
Поможет только Рахш, летящий к цели

По небесам, упасть не опасаясь,
Копытами к земле не прикасаясь».

И, не желая говорить длинней,
Пошел в конюшню выбирать коней.

Из множества коней в заводе этом
Он выбрал двух, по тайным их приметам.

Сказал царю: «Вот эти не обманут,
Проскачут, сколько нужно,— не устанут».

Ответил царь: «Искуснейший на свете
Знаток коней, годятся ль кони эти?

Ты сам проверь, на что они готовы,
Потрогай шеи, осмотри подковы.

И выдержат ли кони долгий путь?
Нельзя ль придумать лучше что-нибудь?»

С обидой Наль отнесся к царским фразам:
«Я сделал так, как подсказал мне разум.

Чтоб к сроку одолеть дорогу эту,
Чем эти кони — лучше средства нету.

А коли мой владыка недоволен —
Других коней он лично выбрать волен».

Царь пожелал устроить испытанье.
Пошел в конюшни, заострив вниманье.

Двух скакунов он выбрал. Кони те
Могли поспорить с ветром в быстроте.

Он впряг их в упряжь царской колесницы
И так погнал, что замелькали спицы.

Недолго, впрочем, скакуны скакали —
Покрывшись пеной, на дороге пали.

Недвижные, не пили и не ели
И тут же, на дороге, околели.

Наль не замедлил подпустить иголку:
«Я ж говорил — от них не будет толку!»

Шах повелел, стремясь душою вдаль,
Привести коней, которых выбрал Наль.

Наль, оседлав коней в одно мгновенье,
Пустился в путь в хорошем настроенье.

Быстрее звезд падучих мчались кони,
И время отказалось от погони.

Пока они коней к Бидару гнали,
Царь много думал об искусстве Наля.

Затем спросил: «Вот этих быстроногих,
Лишающих рассудка, среди многих

Как отобрал ты, коли не секрет?
Есть в этом тайна или тайны нет?»

Ответил Наль: «Они необычайны,
В их каждом волоске сокрыты тайны.

Но если ты постичь желаешь это —
Не утаю ни одного секрета.

Одиннадцать есть мест, где волос вьется
По-разному. Так лошадь узнается».

Следил владыка за рукою Наля,
Старательно вникал во все детали.

Меж тем в Бидар они быстрее, чем мысль
Счастливого любовника, неслись.

Как вдруг, во время этой скачки страстной.
Плащ соскользнул с плеча царя атласный.

Царь крикнул Налю: «Не лети, как ветер!
Я плащ свой подниму». Но тот ответил:

«Нам за плащом придется, вероятно,
Фарсангов шестьдесят скакать обратно.

Не стоит горевать из-за одежды —
Накинь, раджа, на плечи плащ надежды.

Скачи вперед, к избраннице души,
Не станет счастье долго ждать. Спеши!»

Помчались вновь два рахша быстроногих.
Сказал раджа: «О муж достоинств многих!

И я владею тайною одною.
Хочу блеснуть талантом пред тобою.

Мне в мире равных нет в искусстве счета:
Сочту я звезды лучше звездочета.

Я назову число плодов и листьев
На дереве, мгновенно их исчислив».

Вблизи дороги дерево росло.
Раджа лишь глянул — и назвал число.

От слов раджи лишился Наль покоя,
Воскликнул: «Что за колдовство такое?

На дереве — готов поклясться честью! —
Плоды и листья должен перечесть я.

Я в жизни не встречал такого чуда.
Пока не кончу — не уйду отсюда».

Наль вынул меч и, ствол срубив умело,
Усевшись рядом, принялся за дело.

Ратборнский шах остановил коня,
Себя за легкомыслие кляня.

Листву пересчитавши до листочка,
Наль кончил счет и произнес: «Все точно!»

Опомнившись и совладав с собою,
Он обратился к спутнику с мольбою:

«Открой мне эту тайну, умоляю!
Клянусь: не любопытство утоляю.

Взамен я сотни тайн тебе открою.
Поверь, раджа: и я чего-то стою».

Ратборнский шах азартный был игрок
И тут же Налю преподал урок.

Он объяснил ему, как надо в кости
Играть с расчетом тонким, но без злости:

Того, кто скорость счета приумножит,
Никто на свете обыграть не сможет.

И Наль постиг секрет костей коварных —
Причину бед, поистине кошмарных.

Казны и царства вспомнилась утрата.
Короче говоря, он вспомнил брата.

Задумчив ехал дальше он и тих
И размышлял о бедствиях своих.

НАЛЬ И РАДЖА РАТБОРНА
ПРИБЫВАЮТ ВО ДВОРЕЦ ДАМАН,
ГДЕ НАЛЬ И ПРИНИМАЕТ
ПРЕЖНЕЕ ОБЛИЧЬЕ

Исполнились назначенные сроки,
И вот рассвет забрезжил на востоке.

Светлее у скитальца в сердце стало,
Надежда перед Налем заблистала.

Почуял он, как радость льется в душу,
И в небесах услышал глас Суруша:

«О высохшая ветвь, шуми листвою,
О высохший родник, журчи водою!»

Конец приходит бедствиям твоим,
Сад расцветает. Полюбуйся им!»

Благую весть услышав — не угрозы,
Наль просиял. В глазах стояли слезы.

Он понял, что плохого не случится,
Что новая судьба к нему стучится.

И сердце Наля, скорбно вначале,
Очистилось от ржавчины печали...

А кони быстроногие летели
Без остановок — и достигли цели.

Даман в тот день с высокой башни вдаль
Глядела: не появится ли Наль?

Встречала и купцов и богомольцев,
Внимала звону многих колокольцев.

И вот, лишь солнце начало садиться,
Увидела: над полем пыль клубится.

Глаза ее до боли напряглися,
Стан выпрямился, вроде кипариса.

Даман глядела, про себя толкуя:
«Конь друга поднимает пыль такую!»

Когда достигли всадники ворот,
Наль счастлив был, раджа — наоборот.

Гостей высоких, видимо, не ждали:
Обычной чередой шла жизнь в Бидаре.

Отец Даман не смог при появлении
Раджи Ратборна спрятать удивленье.

Он усадил владыку рядом с тронном
И молвил самым дружелюбным тоном:

«Скажи, державный друг: какой судьбою
Нам привелось увидеться с тобою?»

Смутившись и не зная, как начать,
Раджа Ратборна медлил отвечать.

Сказал, что заболел, не видя друга,
Что далее не мог терпеть недуга.

Давно, мол, мир и дружба между нами —
Доколь же слать приветствия с послами?

Не правда ли, когда два падишаха
Встречаются без злобы и без страха

И о делах толкуют с увлечением —
Не правда ль, мир вздыхает с облегчением?

Властители, когда они дружны,
Отнимут меч у призрака войны.

Сказал хозяин: «Наконец мы вместе!
Ты удостоил нас высокой чести.

Где б ни был ты, в мгновение любое
Моя душа и разум мой — с тобою».

Приветствуя властителя Ратборна,
Раджа Бидара размышлял упорно:

«Зачем вот так, без видимой причины,
За тридевять земель спешат мужчины?

Не хочет ли таким манером рок
Мне преподать какой-нибудь урок?

А впрочем: власть небес — над нами всеми.
Пусть эту тайну разрешает время».

Прием роскошный оказал он другу:
Отвел ему дворец и дал прислугу.

Судьбой влекомый неисповедимой,
Наль оказался близко от любимой.

Дамап, обуреваема страстями,
Следила неприметно за гостями.

Хотелось ей узнать наверняка:
Не Наль ли — черный гость издалека?

Она тайком слугу к нему послала
И расспросить подробно наказала.

Спросил слуга, в дворец гостей прибывши:
«Скажите, кто из вас по званью выше?»

В ответ услышал: «Вот — раджа великий.
Пылая страстью к деве луноликой,

Любовью прямо в сердце пораженный,
Приехал он просить царевну в жены.

А вот — Седив, принесший весть о ней.
Он очень мудр, к тому ж — знаток коней.

А я — возникший царской колесницы,
Со мной в полете не сравнятся птицы».

Слуга, узнав знакомого брахмана,
Что послан был Дамап в чужие страны,

Спросил: «А что известно вам о Нале?
Нигде его случайно не видали?»

Ответил тот: «И я, когда был молод,
Служил у Наля. Да и этот город —

Отечество Даман, его жены.
Следы его вблизи найтись должны.

Наль — среди нас. Но остротою взгляда,
Чтоб он был узнан, отличаться надо».

Седив сказал: «Его меж нами нету!
Ведь я давно ищу его по свету».

Наль, услышав такую речь Седива,
Не смог сдержать горячих слез прилива

И этим выдал суть свою негласно:
Кто он такой — любому стало ясно.

Слуга ушел, спеша благую весть
О радостной весне в цветник принести.

Даман сидела в размышленье грустном.
Сказала: «Наль был поваром искусным.

Мог угостить прекрасною едою,
Не пользуясь ни печью, ни водою».

Пустой горшок она слуге вручила
И передать прищельцу поручила:

Пусть сварит без обмана и лукавства
«Зирбою» называемое яство!

Но для того, кто закален бедой,
Не требуется пламени с водой.

Подумал Наль: «Какое испытанье
Мне посылает небо в наказанье?»

Сначала Налю в руки розу дали —
Его ладони сразу запылали.

Он ждал, пока ладони раскалятся,
Чтоб ими за горшок холодный взяться.

Затем он в руки взял сосуд невзрачный —
Наполнился горшок водой прозрачной.

Все тело Наля налилось огнем —
Горшок вскипел: «зирба» сварилась в нем.

Слуга тотчас отнес горшок кипящий
Хозяйке, в ожидании сидящей.

Отведав блюда, та повеселела.
Поняв, что это чудо — Наля дело.

Даман к себе двух братьев пригласила,
Красавцев молодых, и попросила,

Чтоб те немедля отправлялись к Налю
(Хотя, что это Наль, они не знали).

И братья тут же — были столь добры —
Исполнили желание сестры.

Когда перед раджей предстали братья,
Он их с волнением заключил в объятия.

Меж тем сестра их к матери явилась
И в тайных мыслях перед ней открылась:

«Тот чужестранец — мой супруг пропавший,
Мой Наль любимый, только черным ставший!»

Ответила ей мать с улыбкой нежной:
«Возможно, это и супруг твой прежний,

Но в деле этом, дочка, не спеши
И притуши волнение души.

Дай мне самой взглянуть на это чудо,
Составить мнение: кто он и откуда».

Так мудро порешив не торопиться,
Пришельца призвала к себе царица.

Велела дочке: «Расспроси вначале
Про все его дела и все печали».

«Как звать тебя? — Даман спросила Наля.—
Зачем и из какой ты прибыл дали?»

Ответил он: «Не спрашивайте так.
Нет имени и цели у бродяг».

Спросила: «Отчего ты черен телом?»
Наль отвечал: «Мой жребий не был белым».

«Тебе ночами очень одиноко?»
«Что делать? Таково веленье рока».

«Кто разлучен с единственной любимой?»
«Страдалец, сумасшествием гонимый».

«Кто потерял рассудок вместе с царством?»
«Безумец, в прах повергнутый коварством».

«Скажи нам: в чем несчастье твое?»
«Несчастно сердце бедное мое!»

Задав вопросы, по ответам Наля
Даман и мать его тотчас узнали.

На милость гнев судьба переменяла:
Возлюбленных опять соединила.

Раджа-скиталец и его супруга,
От счастья плача, обняли друг друга.

Раджа, от счастья бывший как в угаре,
Велел устроить царский пир в Бидаре.

Теперь настал расколдоваться срок.
Змеиной кожи небольшой кусок

Наль, подойдя к жаровне, бросил в пламя.
Взвился до неба черный дым клубами.

Наль заклинанье прочитал, имея
В виду, конечно, срочный вызов змея.

И тот же самый черный змий тогдашний
Явился, огнедышащий и страшный.

Подполз он к Налю, и улегся рядом,
И стал сверлить раджу горящим взглядом.

И черный телом Наль, как и хотел,
В единый миг стал, словно сахар, бел.

Настал конец страданиям и бедам,
И черный змей исчез за дымом следом.

Раджа Ратборна при таком явленье
Повергнут был в большое изумленье.

«О столп небес! — вскричал раджа Ратборна.—
Что не узнал тебя, прости покорно!

В те дни я не помог твоим страданиям,
Незнание мне служит оправданьем».

Наль утешал владыку, говоря:
«Ты пролил в душу милостей моря.

Когда я был скитальцем чернолицым,
Ты приютил меня в своей столице.

Мне, знавшему тогда одни лишения,
Ты даровал покой и утешенье.

Ты добротой, воистину безмерной,
Спас нищего скитальца, друг мой верный!»

Раджа Ратборна все просил прощенья,
Меж тем готовы были угощенья.

И, заключив между собою мир,
Наль и раджа отправились на пир.

Все люди в государстве ели-пили,
За радость небеса благодарили.

Немного позже, утоливши голод,
Наль с новым другом выехал за город.

Он друга обучил необычайным
Коней повадкам, их приметам тайным.

Раджа, увидев щедрость друга в этом,
Учил его азартных игр секретам,

Всем хитростям игры былых веков —
И честных, и бесчестных игроков.

Вернулся Наль в Бидар с раджою вместе,
Пришел к Даман, пылая чувством мести.

Сказал: «О ты, престола украшенье,
О радость глаз и сердца утешенье!

Одна мечта меня одолевает:
Вернуть престол мне честь повелевает!»

Даман, душой поняв его кручину,
Дала ему и золото и дружину.

И во главе большого войска Наль,
Ведомый мезтью, устремился вдаль.

НАЛЬ ВЪЕЗЖАЕТ
В СВОЮ СТОЛИЦУ
И ОТЫГРЫВАЕТ У БРАТА
ПРЕСТОЛ

Настал желанный день. Счастливица Наля
В дороге рок и небо охраняли.

Круговорот небес в своем движенье
Выказывал к нему расположениеь.

Чела владыки не мрачили беды,
Сверкал на пальце перстень — знак победы.

Домой вернулся Наль — дождался часа.
От топота слонов весь город трясся.

Вступил в столицу шах и наконец
Явился к брату в собственный дворец.

Скрывая в сердце злобу и коварство,
Тот, как всегда, приветливым казался.

Наль молвил: «Ты, чья чистота блистала
Сильней алмаза, жемчуга и лала!

Ведь как-никак, а мы с тобою — братья.
Приди же к брату старшему в объятья!

Забудем, брат мой, наши расхожденья.
Все это — просто рока наважденье.

Кто б мог подумать, брат мой, что игра
Затянется до этого утра.

Власть и богатство — две сильнейших страсти.
Но деньги — только приложенье к власти.

Разумный муж не станет упиваться
Победою. Не станет убиваться,

Что проиграл. Известно: кости слепы,
И обижаться на судьбу — нелепо.

А то, что я бродяжничал в пустыне,—
Безумьем было, миновавшим ныне.

Меня пьянил безумья аромат,
Я был во власти дикой страсти, брат.

Но помраченье прекратилось разом,
Светильником во мне зажегся разум.

И вот, влекомый родственною кровью,
К тебе пришел я с братскою любовью.

Не жалко злата, что из рук уплыло,
Богатства больше у меня, чем было.

Или ты снова обыграешь брата,
Иль я верну, что проиграл когда-то!»

Воскликнул брат коварный: «По рукам!
Скучать сегодня не придется нам».

И тут же закатил он пир горою,
Чтоб всех развлечь азартною игрою.

Наль вел игру искусно и проворно,
Так, как учил его раджа Ратборна.

Сперва, бросая кости многократно,
Он царскую казну вернул обратно.

Затем, искусством одолев коварство,
Вернул он и проигранное царство.

И обратился, после всех побед,
К виновнику своих несчетных бед:

«О светоч глаз моих! О недостойный!
Подумай, брат, о матери покойной

И о своем происхожденье царском.
Расстанься, брат, со злобой и коварством.

В своих поступках будь правдив и честен,
Будь в мире справедливостью известен.

Ведь кости слепы: то они позволяют
Счастливым стать, а то и опозорят.

Ты предпочел зломыслие добру,
Вовлек меня в нечестную игру,

Но, претерпев жестокие лишенья,
Готов тебе простить я прегрешенья.

С тобой не стану поступать жестоко,
Поскольку понял: все во власти рока!

Исчезло горе — будто не бывало.
Что вспоминать о том, что миновало?

Лишь честные живут в согласье с роком,
Да будет это, брат, тебе уроком».

Так объяснил он брату своему,
Полцарства тут же уступив ему.

Рассеялись бесследно горя тучи,
Ночь зла сменилась днем благополучья.

Вновь правил Наль великою державой,
На троне сидя, суд вершил он правый.

Так, поборов свой рок необоримый,
Соединился Наль с Даман любимой.

И, радуясь счастливому событию,
Супруги предавались винопитью.

И прожили оставшиеся дни
На радость верным подданным они.

КОНЕЦ ПОЭМЫ

Настала осень жизни. Зимним хладом
Дохнуло небо над увядшим садом.

Деревья обнаженные застыли,
Убиты горем, как Меджнун в пустыне.

Печальным стало птичье пенье в чащах,
Вода иссякла в родниках журчащих.

Засохли розы, цветники увяли.
Дом счастья стал обителью печали.

Подул холодный ветер, сорвать готов
Одежду с увядающих садов.

Зеленая трава лугов пожухла,
И небо ярко-синее потухло.

Трава теперь шафран напоминала,
Цвет янтаря сменил оттенки лала.

Сомкнулись в цветниках нарциссов очи,
Готовые к приходу вечной ночи.

Стволы деревьев, в водах отраженных,
Похожи на брахманов обнаженных.

Печальным стало в рощах пенье птиц,
Головки роз в садах склонились ниц.

Тюльпаны наземь сбросили короны,
Осыпались дерев роскошных кроны.

Порой осенней, передумав много,
Наль вышел в сад из своего чертога.

Он с грустью оглядел цветник увядший,
И сам он был как лист, на землю падший.

Весною обновленье ждет природу,
А жизнь неотвратимо шла к исходу.

Побиты градом времени цветы,
И вместо капель сыплются листы.

Наль был печален, погруженный в мысли
О цели этой жизни и о смысле.

Душою чуж близкую кончину,
Он обратился с горькой речью к сыну:

«Моя надежда, мой оплот! По праву
Ты должен унаследовать державу.

Не будем ждать моих минут последних.
Прими престол и перстень, мой наследник».

Услышав, что отец ему сказал,
Наследник трона громко зарыдал.

Придворные при этом разговоре
Испытывали искреннее горе.

«О царь, поверь, что мы тебе желаем
Еще столетье править нашим краем!»

Ответил Наль: «Достойные вельможи,
Друзья и в счастье, и в несчастье тоже!»

Когда ты стар, бессилён и недужен,
То целый век тебе уже не нужен.

Когда больному в тягость стали дни —
Не стоит их продлять. К чему они?

Бессильна против рока воля наша,
Наполнилась до края жизни чаша.

В ней нынче — только горечь, и сдаётся,
Что мне её до дна испить придётся.

Так Наль оставил власть по доброй воле.
Наследник утвердился на престоле.

Отец сказал: «Будь, сын, достоин трона!
Судьба к тебе да будет благосклонна!»

Тут неуместны многие слова,
Из наставлений дам я только два:

Пусть сердца пыл в тебе не охладает
И пусть твоя рука не оскудеет!»

Бой барабанный был подобен грому,
Стекались толпы к шаху молодому.

Народ его признал царем законным,
И головы склонились перед тронном.

Он правил справедливо, хоть и строго,
И новых дал стране законов много.

Наль жил в одном из отдаленных мест,
Где не было живой души окрест.

Своим жилищем, в поисках свободы,
Избрал он склепа каменные своды.

Он мыслил: «Ничего душе не надо.
Воспоминанья — вот моя отрада.

Я перед смертью примирюсь с судьбою.
Свою любовь к Даман возьму с собою».

Предчувствуя конец неотвратимый,
Призвал Даман и так сказал любимой:

«Я жил любя, и перед смертью вновь
Единственный мой дар тебе — любовь.

Была печальной жизнь моя земная,
Еще печальней будет жизнь иная.

Прощай! Настало время расставаться.
Мой час пришел. Счастливо оставаться».

Даман в ответ: «О, неужели ныне
Меня ты бросишь, как тогда, в пустыне?»

Так верные друзья не поступают:
Без друга в дальний путь не выступают.

Коль ты собрался в дальнюю страну,
Нечестно оставлять меня одну.

Подумай, отправляясь в путь далекий,
Как будешь ты скитаться одинокий.

Я для тебя в дороге не обуза:
Тебе на плечи не добавлю груза».

Ответил Наль: «Дорога без любимой
Была бы для меня невыносимой.

Но расставанье с этим миром бrenным
Не станет для любви концом мгновенным.

Навеки неразлучны мы с тобой.
Твой образ в сердце уношу с собой».

Уже не видя лика луноликой,
Сказавши так, навек замолк великий.

Ей вспомнилось, хоть срок немалый минул,
Как Наль ее одну во сне покинул.

Без Наля жить Даман не пожелала
И бездыханна рядом с ним упала.

Таков мотив мелодии прощальной,
Таков конец истории печальной.

Слепой судьбы, читатель, не кляни,
В лицо печальной истине взгляни.

Спокон веков в бесчисленных преданьях
О смерти говорится, о страданьях.

Оставь перо, Файзи! Ты кончил книгу.
Порадуйся торжественному мигу.

Ты водрузил в стране искусства знамя,
Оно прочней колонн в индийском храме.

Поэма эта, писанная в Дели,
Душе подобна новой — в старом теле.

В садах делийских рос цветок любви,
Но в нем — благоуханье Ганджеви.

К о н е ц

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 20. *Рахш* — конь богатыря Рустама, героя эпоса «Шахнаме» персидско-таджикского поэта X в. Фирдоуси. Здесь употреблен в собирательном смысле, как чистокровный арабский скакун.

Стр. 21. *Гульгун* — конь Ширин, героини поэмы Низами «Хосров и Ширин».

Тар — струнный музыкальный инструмент.

Стр. 24. *О тайнах девяти небес отчеты...*— Согласно астрономическим представлениям средневековых индийцев, ближайшее к Земле космическое пространство состояло из девяти небесных сфер: семи движущихся планет, а также Солнца и Луны.

Гурии — райские девы; здесь: придворные танцовщицы-красавицы.

Стр. 31. *Зухра* — планета Венера; в персоязычной поэзии — земная красавица, умеющая искусно петь и играть. За свое целомудрие была вознесена на небеса и стала покровительницей музыки и красоты.

Стр. 35. *Зуннар* — пояс, которым в мусульманских странах опоясывались иноверцы.

Стр. 45. *Служить не может для тебя примером.*— Поэт намекает на бесплодность занятий астрологов, от которых и предостерегает своего героя.

Стр. 51. *Дастан* — легенда, история, рассказ; здесь имеется в виду предание о Нале.

Стр. 53. *Лал* — драгоценный камень, разновидность рубина, которая встречается крайне редко.

Стр. 55. *Веды* — священные книги индуизма.

Стр. 57. *Саз* — струнный музыкальный инструмент; здесь: два саза — два влюбленных сердца.

Стр. 58. *Сетар* — струнный музыкальный инструмент.

Стр. 66. *Покрепче жемчуг нанижи на нить.* — Поэт сравнивает целомудрие Даман с жемчугом, который может быть похищен.

Стр. 67. *Калам* — тростниковое перо, которым писали во всех странах Востока.

Стр. 71. *Как вдруг из Сарандиба, то есть края...* — Сарандиб — арабо-персидское название острова Шри-Ланки (Цейлона). Согласно преданию, Адам, изгнанный из райского сада, оказался на острове Сарандиб, чьи вечнозеленые сады напоминали ему райские.

Стр. 93. *Весною не годится синий цвет!* — Синий цвет — цвет траура и грусти.

Стр. 101. *Нахид* — персидское название планеты Венеры.

Стр. 106. *Чергел* — город в китайской провинции Синьцзян; славился красивыми женщинами.

Стр. 165. *Фарсанг* — равен приблизительно шести-семи километрам.

Стр. 167. *Суруш* — в древнеиранском пантеоне — ангел доброй вести.

Стр. 186. *Ганджа* — городок у отрогов Малого Кавказа, родина Низами Ганджеви, чье поэтическое наследие оказало глубочайшее воздействие на творчество Файзи.

СОДЕРЖАНИЕ

I'. Алиев. Файзи и его поэма «Наль и Даман» 5

НАЛЬ И ДАМАН

Начало поэмы	19
Предчувствие любви	26
Страдания Наля	51
Страдания Даман	57
Родители узнают о страданиях Даман . .	63
Наль отправляет послание своей возлюблен- ной	70
Ответное послание Даман	80
Даман выбирает Наля женихом, а колдуны пытаются чинить ей препятствия . .	92
Наль впадает в тоску и проигрывает брату богатство и царство	103
Наль охотится в пустыне за птицей, которая уносит его рубаху	111
Наль и Даман находят на берегу реки двух рыб, которые оживают от дыхания Да- ман	116
Наль, обуреваемый безумием, покидает спя- щую Даман одну в пустыне	121
Даман спасается от коварной змеи и доби- рается до стольного града темнокожего царя	127
Наля жалит черный змей, и Наль чернеет от его укуса	136
Отец Даман узнает о ее несчастьях и от- правляет па ее поиски брахманов . .	147
Страдания Даман вынуждают брахманов от- правиться и на поиски раджи	153

Наль и раджа Ратборна прибывают во дворец Даман, где Наль и принимает прежнес обличье	167
Наль въезжает в свою столицу и отыгрывает у брата престол	177
Конец поэмы	181
<i>Примечания</i>	187

Ф17 **Абул Файз Файзи**
Наль и Даман: Поэма. / Пер. с перс.
Германа Плисецкого; Подстроч. пер., пре-
дисл. и примеч. Г. Алиева.— М.: Худож.
лит., 1982. 190 с.

Абул Файз Файзи (1547—1596) — один из крупней-
ших персоязычных поэтов Индии. Жил и создавал свои
произведения в Дели. «Наль и Даман» — самая знаме-
нитая поэма Файзи о всепобеждающей любви на сю-
жет из древней «Махабхараты»: влюбленные друг
друга раджа Наль и принцесса Даман разлучены злою
судьбой и терпят тяжкие невзгоды; пройдя через мно-
жество испытаний, они в конце концов соединяются,
чтобы прожить долгую счастливую жизнь и умереть
в один день.

Поэма публикуется на русском языке впервые.

Ф 4703000000-176 171-82
| 028(01)-82

И (Инд)

Edited with the demo version of
Infix Pro PDF Editor

To remove this notice, visit:
www.iceni.com/unlock.htm

Абул Файз Файзи

НАЛЬИ ДАМАН

Редактор *М. Фишбейн*
Художественный редактор
Ю. Коннов
Технический редактор
В. Нефедова и Л. Витушкина
Корректор
Г. Асланяну

ИБ № 2545

Сдано в набор 22.07.81. Подпи-
сано в печать 24.02.82. Бум. ти-
пограф. № 1. Формат 70×90¹/₃₂.
Гарнитура «Обыкновенная но-
вая». Печать высокая. Усл. печ.
л. 7,0. Усл. кр.-отт. 7,58. Уч.-
изд. л. 6,36. Изд. № VIII—681.
Зак. 1-229. Тираж 25 000.
Цена 75 к.

Ордена Трудового Красного
Знамени издательство «Худо-
жественная литература».
107882, ГСП, Москва, Б-78, Но-
во-Басманная, 19

Книжная фабрика «Жовтень».
252053, Киев, Артема, 25.

